

ВОСЬМИГЛАСИЕ МИРОЗДАНИЯ

Елена
Кацюба

ВОСЬМИГЛАСИЕ
МИРОЗДАНИЯ

Восьмигласие мироздания

В двух томах

Восьмигласие мироздания

Том 2
Елена Кацюба

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2020

УДК 82.8
ББК 84(2Рос=Рус)
В78

В книге использованы иллюстрации из фотоархива автора

В78 Восьмигласие мироздания : в 2-х томах. — М. : Издательство РСП, 2020.

ISBN 978-5-4477-3043-7

Том 2. Елена Кацюба. — 154 с. : ил.

ISBN 978-5-4477-3045-1

Книга «Восьмигласие мироздания» — творческий итог многих открытий поэтов и философов Константина Кедрова-Челищева и Елены Кацюбы. Согласно творческой концепции авторов, восемь гласов мироздания — это множество волновых излучений, пронизывающих Вселенную, и есть грань, неразличимая между звуковыми волнами в поэзии и гармонией мироздания.

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-8
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4477-3045-1 (т. 2)
ISBN 978-5-4477-3043-7

© Кедров-Челищев К. А., 2020

Чистейший озон поэзии

Широко распространенное заблуждение, что количество палиндромов в русском языке ограничено полностью, опровергнуто двумя палиндромическими словарями Елены Кацюбы. Но дело даже не в количестве палиндромов, а в самом принципе обратимости многих слов русского языка, открытом Еленой Кацюбой.

Именно в творчестве Елены Кацюбы выявилось, что палиндром есть лишь один из частных случаев анаграммы как таковой. В поэзии Елены Кацюбы анаграмма и палиндром переросли в анаграмно-палиндромическую систему стихосложения, напоминающую генетический код из бесконечных цепочек ДНК и РНК.

Найден своего рода геном поэзии русского языка. Найден и поэтически расшифрован. Девиз поэтессы — «Меня интересуют только совершенные тексты». Что такое совершенный текст? — Это текст, порождающий сам себя из кристаллических глубин русской речи. Слова Вознесенского «Если бы Хлебников жил сегодня, он писал бы, как Елена Кацюба», глубоко продуманы и точны, как всё, что говорил Вознесенский о поэтике ДООСа. Евтушенко назвал поэзию Елены Кацюбы уникальной и ни на кого не похожей. И это тоже очень точное определение места поэзии Елены Кацюбы в русской поэзии XX и XXI веков.

Кацюба неподражаема, как Маяковский. Звуковая свежесть и первоизданность ее стиха не оставляет равнодушным никого, кто наделен поэтическим слухом. Современная критика не в состоянии произнести об этой поэзии ни одного слова. Критики привыкли говорить о знакомом, а тут незнакомо и ново абсолютно всё. Поэзия Елены Кацюбы — это освежающая гроза, чистейший озон поэзии в духоте и глухоте современной критики.

Этим озоном уже дышат и будут дышать поэты и читатели XXI века.

Константин Кедров-Челищев

Полное восхищение словом

Абсолютно позитивный настрой, улыбчивый взгляд, смешливые интонации и всё лучезарное обаяние ее образа не предполагают никакого печального нытья некролога. Что я представляю при звуке имени Елена Кацюба — зачарованное мелодичное медитативное чтение, любование каждой буквой, слогом и полное восхищение словом.

Розы сами не растут —
их создает садовник, конструктор розы.
Он Р — заберет у грома,
О — отдаст рот,
З — закажут замок и загадка,
А — выдыхает май.
Роза в ней Ра солнца,
Ор восторга
За согласия,
Аз вязи азбуки.

Елена — конструктор РОЗ в саду поэтического универсума, теоретик и практик ДООС, неутомимый издатель оригинальнейшего и очень красивого «Журнала ПОэтов», поэтесса, неуклонно следовавшая своему призванию, легко и свободно, несмотря на подводные камни и необходимые препятствия.

«Я люблю неожиданное, люблю, когда меня удивляют, и пишу для таких же, как я. Одним людям уютно и спокойно в сотворенном мире, как в мебелированной комнате. Вселились и живут, ничего не меняя, не переставляя. Другие предпочитают создать свой мир — от начала времен. Я так и делаю. У меня много вариантов сотворения мира» (Е. Кацюба).

Автор «Первого палиндромического словаря современного русского языка» (1999), экспериментатор и комбинатор, она упорно, трудолюбиво, но словно играючи вылавливает «элементарные праформы из первозданного хаоса».

Современному читателю, в том числе и нам с вами, предстоит прочитывать и перечитывать книги Елены Кацюбы, осмысливать и осваивать ее миры, любоваться садами и цветниками поэритмов и стихоформ.

Я только еще открывала для себя мир московского поэтического андеграунда, когда Елена была уже его настоящей звездой. Ее имя я запомнила и отметила для себя на первом же вечере, где прозвучали для меня ее стихи. С тех пор уважение к мастеру переросло в любовь и восхищение поэтом, человеком, женщиной, другом, сподвижником и даже куратором (не побоюсь этого слова). Я благодарна ей за поддержку и неизменные добрые слова в мой адрес. На литературных вечерах, которые она устраивала, состоялись премьеры отдельных моих экспериментальных поэтических опытов. В журнале, издаваемом Леной, публиковались стихи, которые трудно было бы представить в любом другом бумажном литературном издании. Я гордо ношу имя ЗИОСА в стрекозиной стае ДООСА.

«Ты всё пела? Это — дело!» Это самое наше важное дело, Лена. Ты права!

Светлана Литвак

Богом данный статус

Есть поэты «темные», чей гений неуловим, распознаваем не сразу. Есть те, кого с первых строк, с первых звуков безошибочно определяешь: перед тобой большой поэт. А есть еще и третий тип: тот, кто по одному ему ведомым причинам очень не хочет, чтобы в нем угадали большого поэта, по какой-то неведомой причине ему неловко и застенчиво быть большим поэтом, он охотно раздаривает этот свой, Богом ему данный, статус другим.

Такой была Елена Кацюба.

Она и в самом деле редкий случай поэта-экспериментатора, поэта-исследователя, в котором сразу и безошибочно распознаешь большого русского поэта. Редкий поэт, впавший в формальный эксперимент, в исследование языкового нутра, удерживается на скейтборде собственно поэзии. Лене, при всей ее жадности, охотности до эксперимента, формальных игр, это удавалось легко и изящно. Поэтому даже те, кто на дух не переносит любое отступление от стихотворных конвенций, от «традиции», в поэзии Елены Александровны видели Поэзию (справедливости ради: конечно, не все, но всё-таки многие).

Лена жила творчеством и дышала творчеством: поэзия, визуальная поэзия, видеоарт, клипы, журналы, исследование палиндромов... Оказываясь рядом с ней, в ее круге общения, уйти незараженным шансов не было. Другое редкое качество — небывалое в поэтической среде чувство литературного такта и уступчивости. Такой была Елена Кацюба.

...И вдруг сейчас вот поймал в памяти: я за двадцать лет знакомства с Еленой, кажется, ни разу не видел ее без улыбки. Мелочь — да, но мне эта мелочь кажется важной и значимой.

Двенадцать лет назад я посвятил Лене крохотульный моностих-анагриф (анаграммическое стихотворение, в котором используются только буквы, входящие в заголовок, в данном случае это «Елене Кацюба»): «Ал бал неба, юн!» И сама Лена, и ее поэзия, да и всё, что она делала (а Лена — это классический человек Возрождения), был какой-то невысказанно радостный, пылающий огнями бал абсолютно-го творчества.

Невозможно понять, осознать (понадобится время), как этот мир, пусть даже в границах нашего литературного мирка, сможет обходиться без Лены, Леночки, Елены Александровны. Как-то, видимо, будем привыкать, приспосабливаться.

«На берегу музыки / грохочут волны безмолвия / оглушают молчанием чайки / Здесь убивают любовью / воскрешают отчаянием...»

Евгений В. Харитонов

Редчайший дар естественного слова

Елена Кацюба представлялась стрекозой, которая лето красное пропела. И это была правда. Редчайший дар естественного слова она несла на стрекозиных крыльях. Прозрачных, светящихся. Стрекозинными очами выхватывала из онтологической глубины тайные смыслы слов и снов.

Пламя живет в глазах, глядящих на пламя.

В полете одной строкой охватить и продлить мгновение. Стрекозинная школа ДООСа, созданная в гнездовье Кедров, — Кацюба. Сколько раз я поднимался в их гнездовье в Большом Гнезниковском переулке... Крылатые угощали нектаром поэзии, собранным в полетах.

Лена читала:

Часы слов — чары снов

Часы снов — чары слов

И это было так естественно, как будто часы и чары снов и слов сами заставили поэтессу произнести их в таком сочетании. Такие схождения слов и снов Лена называла «лингвистическим реализмом».

Можно бы сказать, что к ней само шло слово, и она только записывала, проговаривала, заговаривала. На самом деле это было встречное движение. Слово двигалось к ней, и она сама двигалась к слову.

И в некоторой точке происходила встреча.

В «Азбуке» она прямо говорит:

Розы сами не растут —
их создает садовник, конструктор розы.

Итак, не только стрекоза, но и садовница, создающая словесный розариум так, чтобы этот словесный рай возникал словно невзначай — из игры! Поэтому главная книга называется «Игр рай», или «игРай». Книга лучевая, проникающая пространство и время. Настолько, что время настоящего прочтения еще впереди.

Своим «Палиндромическим словарем русского языка» Елена соединила палиндромически прошлое и будущее. Буало и Ломоносов одобрительно аплодировали новому поэтическому трактату, а Милорад Павич приветствовал достижения Елены в художественном жанре «словаря»!

Лена на моей памяти стала первой среди поэтов, принявшей компьютер как умную помогающую машину. В соавторстве с компом она создала сверхпоэму «Свалка» в нескольких вариантах, в том числе виртуально вращающийся.

Расширение поэтического начала в виртуальную сферу. Создание видеоклипов не только на свои тексты, но и на тексты других ДООСов. И наконец «Журнал ПОэтов», придуманный в гнездовье стрекозьем. Невероятная по художественной фантазии визуальная проработка. Аналогов просто нет в мире.

Это всё Лена, воспринимающая мир как цепь метаморфоз.

Лена-Лена-Лена — летящая в бессмертие...

Сергей Бирюков

Глас первый

Небо –
это высота Взгляда

Пламя Паламы

Мы — сыны ОГНЯ

дочери ОГНЯ

мы среди ОГНЯ не сгорим

Брошенные в ПЛАМЯ

наше слово — ПЛАМЯ

мы не предадим

Мы среди ОГНЯ

мы — душа ОГНЯ

каждый человек — ПЛАМЕНИ язык

Мы играем

мы сверкаем

мы горим и не сгораем

пляшет ПЛАМЯ

языками

в нас

Если нет в тебе ОГНЯ

не ходи вблизи ОГНЯ

берегись детей ОГНЯ

не глядись в глаза ОГНЯ

не коснись рукой ОГНЯ

Вмиг испепелит тебя

ПЛАМЕНЬ-человек.

Игр рай

Игра вечера — четыре карты:

рама, дверь, зеркало, картина.

В середине

бабочка замерла — туз,

где остановился оконный слайд.

Сладко

и горячо

музыка движет движенья,

между кожей и жестом микрон простора —

простой повод

рвануться навстречу,

перетасовать и очнуться
лет десять назад.
Козыри — пятница, день Венеры.
Лишние разговоры
записаны на листьях и летающих существах,
уносят страхи в грот сов,
оставляя нам восторг
и игр оргии —
рай.
Мистика вроде мостика
оттуда к нам,
по которому по вечерам
мы свободно гуляем.

Blue Blues

Скручена туго в волну вода,
глаза скажут НЕТ, а губы ДА.
Кто же спорит с волной?
В слове ЛЮБЛЮ две гласных Ю
и ни одной другой.
Губы смешают вино с водой,
сердце и музыку, кровь и покой.
Ворону — песню, хрип — соловью,
«ныне же будешь со мною в раю»,
скрипнул заветный ключик Ю-Ю
в двери, где -ает, -чает, -ачает,
качает blue blues.
Нетерпеливый сдержанный хлыст —
гонит синие волны блюз.
Гребень ЛЮБ,
пропасть ЛЮ,

З-з-з — это волны
поймали пчелу, blue blues.
В море созвездий лунный круиз,
парус наполнит легчайший блюз — бриз.
Мели надзвездные выверит лот.
Н Е Т не растопит в стакане лед,
но неразбавленным ДА обожжет даже вода...
Словно гусеница, звезда
переползла небосвод.
— НЕТ! — оглушающе вскрикнет волна
— ДА.. — отзовется у самого дна
себе самой.
Ты не заметишь,
как променяешь,
как променяешь всю веру мира
на эту игру с волной,
В слове ЛЮБЛЮ две гласных Ю
и ни одной другой.

На мой взгляд, поэзия делает то, что Мефистофель запретил делать Фаусту, — останавливает мгновения. Фауст — ученый, а не поэт, поэтому он с легкостью заключил этот договор. Ведь сегодняшнее открытие завтра может устареть. В мире чувств всё иначе. Прекрасное мгновение, запечатленное поэтом, переживается снова и снова совершенно новыми людьми. Если «в начале было Слово», то все слова так или иначе содержат его в себе, поэтому я не тащу слово за собой, а сама следую за ним.

Десант

Уже тяжелеют легкие,
леденеют ладони —
видишь,
в прозрачных погонах
резидент небесной разведки
на квадраты обстрела
делит лазурь стрекоза
libellula bella.
Огневые точки ее зрачки.
Стрела вертикали, размах параллели,
летней метели
зуд и озноб.
Парашютистка,
ближе, чем близко,
спускается к сердцу,
разумна — безумна, танцующий зуммер,
поцелуем в упор — прыжок! —
но улетела,
оставила тебя на произвол любви.
Каждое облако — благо,
если все небо — слепящий глаз.
Просьба?
Мольба?
Приказ!

COR-корабль

Сердце — COR-КОРабль
CROss-крест внутри трюма
пробоины в переборках
проливы — приливы — фьорд аорты
COR — КОРошь — сердце
изнутри миром правит
плавит металлы в кратере страсти
плывет в магме
магнитом тянет железо из звезд —
КОРм КРОви
COR — КОРвет — сердце
мерцают пульсы
пульсируют снасти
паруса-протуберанцы
в КОРоне солнца
горят в эфире
Мы — твое море, COR — КОРсар!

Лад ладони

Не позволяй никому чужому
вникать в рисунок твоей ладони.
Из-за небрежного прикосновенья
формула смысла изменит значение,
линия взлета сойдет с пути
и превратится в крутые ступени.
На левой ладони — всеобщий чертеж,
его изучает медленный взгляд жука.
На правой ладони — каждому личный рельеф,
его повторяют в воздухе быстрые взгляды ос.
Это окно в квадрате луны,
это деревья в кубе домов,

это прозрачные дробы дождя,
нет им решенья в пределах дня,
это круглые скобки век,
что прикрывают формулу сна.
Сложи ладони обложкой книги себя,
она проста и доступна, словно узор...
на луне.
Там тайное тайно,
а явное — тайно вдвойне.

Линия

В глазах много места для цвета
цвет — зрению хлеб
но я линию люблю
она лания — ления — лония — луния
Она слева направо — линия
она справа налево — я и Нил
где на берегу зашифровано
число ПИ
где царит РА
вершину тянет МИ
основание утверждает ДА
Там по стенам вьется вереница
рабов — писцов — царей — танцовщиц — цариц
Но кто перед кем склоняется
кто падает ниц?
Или было просто похоже,
когда острой раковиной
очерчивал на песке мою тень
и розовел
раз - рез
зар - зер

Нить Ариадны

тебе меня плеНИТЬ
раНИТЬ
мне тебя замаНИТЬ
одурмаНИТЬ
в лабиринте НИТЬ
НИТЬ
чтобы нас соедиНИТЬ
оборвется НИТЬ -
некого виНИТЬ
только в памяти храНИТЬ
помНИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
помиловать нельзя казНИТЬ

Майский жук

Майский жук,
ударяющий с лета в лоб,
влетающий в крону волос.
Настоящее дерево я,
шелестящее,
где живут жуки и звезды,
где птицы строят гнезда
и уже поет скворец.

Майский жук
шуршит в коробке спичечной,
словно крошка-репродуктор возле уха,
словно раковина морская,
только он еще летает
и жужжит
Дом летает и жужжит,
сад летает и жужжит.
Кверху лапками мелькая,
суетливо жук лежит.
В темноте окно зажжется,
лбом в стекло упрется кто-то,
кто-то в трубку помолчит,
и за облачком дыханья
сквозь окно проникнет май.
Мой
жужжащий телефон —
это лишь воспоминанье
о жуке, что, улетаю,
никогда не обернется,
потому что жук не может,
обернувшись,
не упасть.
Этот смуглый, этот серый,
и коричневый, и спелый
ж-ж-ж-ж-жук.

Часы

Солнечные часы считают птичьи часы
Часы песочные шуршат для ящерицы
Для рыб и дельфинов водяные журчащие
капли роняют
Время себя доверяет
только часам швейцарским
А для истории мы строим часы-башни
Храмы — хронометры Бога
У дьявола ходики — ржавые гирьки
маятник — злые мысли
туда-сюда, туда-сюда
Время людей измеряет сердце —
то ускоряя то з-а-м-е-д-л-я-я
Сам себе часы человек

Глас второй

Взгляд –
это глубина Неба

Генрих Сапгир о поэзии Елены Кацюбы¹

Елена Кацюба — самобытный поэт, жена и верная подруга Константина Кедрова — тоже является членом литературного общества ДООС и разделяет все его эстетические установки.

Впервые я услышал, как она читает свои стихи, на вечере во Дворце молодежи, в начале перестройки. Она читает как-то особенно проникновенно и волшебным образом, выделяя интонацией и распевом ключевые слоги слов, которые представляют собой анаграмму, и при этом возникают внутрисловесные рифмы и ассонансы. Кстати, на том вечере Андрей Вознесенский предложил залу почтить новую поэзию минутой крика. Как хорошо и свободно кричалось тогда! И еще запомнился мне в первом ряду какой-то лейтенант, который самозабвенно повторял за читающей Леной все ее анаграммы — видно, что слушал не в первый раз.

¹ Из антологии «Самиздат века». М., 1997.

Азбука

Розы сами не растут —
их создает садовник, конструктор розы.
Он Р — заберет у грома,
О — отдаст рот,
З — закажут замок и загадка,
А — выдыхает май.
Роза в ней Ра солнца,
Ор восторга
За согласия,
Аз вязи азбуки.
Аз — это А,
А — каталог интонаций:
А? А! А...
А — это всё,
Я — это я.
Идет алфавит от всего до меня.
Алая и Белая розы — это А и Б любви,
далее — Война Глаз, Дар Евы, Желание, Забвение,
Искренности Йод, Кошка Ласки, Мёд Неведения,
Опиум Поцелуя, Разорение Сада, Тьма Упрека,
Фарфор Хрупкости, Церемония Чайная, Шепот и Щека.
Ы — знак умножения: розЫ — буквЫ.
Значит, переход на ты
не сделает тебя одиноким
в розарии азбуки,
где Эхо Ютится
и в конце всегда Я.

Зеркало Евы

Палиндром

Аве, Ева!
Ума дай Адаму.
«Рад я, ем змея дар».
Но мед — демон,
небу — бубен,
ночи бич он.

«Я — аркан-звезда, ад, зев, знак рая,
я луна нуля,
ада к раю аркада».
Узор ангела лег на розу.
Нежен
летел,
лад Евы ведал.
В аду зло полз удав.
«Ада кора — Зодиак, а там атака и доза рока? —
Да!»

Ночной проход

Срывающая знаки запрета
электросвета не любит,
когда выходит в ночь,
изгоняя из нас
запах зелья нельзя.
Зеркало — зарок запрета,
в нем часть тебя заперта.
Вспомни о Лазаре —
выйдешь из зеркала,
пелену амальгамы разрезав
ножом из можно.

Срывающая знаки
пряди волос отводит от глаз —
две радуги рассекают ночь.
Прочь
череп фонарей!
Влажнее срезанной дольки лимона
луна сочится.
Отражение, тяготенье,
зеркального Яго тень.

Глас третий

Ладонь – это лодочка
для Невесты

Лингвистический реализм, или Множество мгновений по имени «Я»

Однажды я прочитала о себе такое: «Автор ввергнут в разрушительную стихию авангарда, сам не подозревая об этом». Не знаю, чем обидел авангард автора рецензии, но лично я в своей жизни никого и ничего не разрушала. Разве что в детстве карточные домики и строения из кубиков. И что-то не помню, чтобы кто-то, кому известны мои тексты, предъявлял мне подобные претензии. История поэзии показывает, что в этом смысле всё как бы наоборот. Волна самоубийств прокатилась после смерти Есенина, а вовсе не после гибели авангардиста Маяковского.

И хотела бы я видеть человека, который, услышав когда-то или прочитав строку Крученых: «Дыр бул шир», как-то пострадал, морально или физически. Во всяком случае, никто таких воспоминаний не оставил. Я очень люблю повесть И. С. Тургенева «Фауст». Там рассказывается о девушке с очень пылкой и страстной натурой. По той причине мама не разрешала ей читать романов и вообще художественную литературу. Девушка вышла замуж, родила детей, занималась хозяйством и жила совершенно спокойно. Но однажды друг дома, узнав о таком пробеле в ее образовании, взялся прочитать вслух не какой-нибудь там дамский роман, а сразу «Фауста» Гете. И что же? Добродетельная жена и почтенная мать семейства что называется «поплыла». Она вдруг осознала, что ее лишили чего-то очень важного и необходимого в жизни. Но не привыкшая к сильным ощущениям, она тут же влюбилась в «просветителя», как пациентка в психоаналитика, и в результате просто

погибла от переживаний. Виноват ли в этом Гёте? И был ли он авангардистом?

В русской классике женщины всегда авангардистки. Татьяна сама объяснилась Онегину, Мэри — Печорину, а уж о тургеневских девушках или дамах Достоевского и говорить не приходится. Да и у Льва Толстого женщины не опережают мужчин только потому, что мужчины у него очень активны. Но это, скорее всего, просто реализация мужской мечты. По-моему, всё зависит от характера. Есть люди, которым приятно только знакомое, им нравится чувствовать себя умнее автора, а незнакомое раздражает. Я люблю неожиданное, люблю, когда меня удивляют, и пишу для таких же, как я. Одним людям уютно и спокойно в сотворенном мире, как в мебелированной комнате. Вселились и живут, ничего не меняя, не переставляя. Другие предпочитают создать свой мир — от начала времен. Я так и делаю. У меня много вариантов сотворения мира.

Например, с помощью зеркала:

Тогда сотворил Бог зеркало и отразился в нем —
так Адам создан был,
и Бог его любил
как самого себя.
Дал Бог Адаму зеркало,
отразился Адам в зеркале —
так Ева явилась,
и любил ее Адам как самого себя.
Посмотрелись Адам и Ева друг в друга как в зеркало,
и появились у них дети,
и Ева любила их больше самой себя.
Оттого дети любили только себя,
и убил Каин Авеля.
В гневе разбил Бог зеркало и развеял по свету.
Оттого мы видим мир, не как создал Бог,
а как отражает зеркальный прах.

1995

Или с помощью букв азбуки:

...Алая и Белая розы – это А и Б любви,
далее – Война Глаз, Дар Евы, Желание, Забвение,
Искренности Йод, Кошка Ласки, Мед Неведения,
Опиум Поцелуя, Разорение Сада, Тьма Упрека,
Фарфор Хрупкости, Церемония Чайная, Шепот и Щека.
Ы – знак умножения: розЫ – буквЫ,
значит переход на «ты» не делает тебя одиноком
в розарии азбуки, где Эхо Ютится,
и в конце всегда Я.

1984

Или с помощью лестницы:

Две птицы,
соединенные крученым шнуром.
Три птицы,
соединенные медной цепочкой.
Четыре птицы,
соединенные шелковым платком.
И многие другие,
объединенные идеей лестницы
из воздушных квадратов.
Щебет, свист –
лестницы поют клювами вниз.
Морские рыбы вторят хоралу,
красный коралл
прорастает в сердцах,
кальций мерцает или
кремний на крыльях.
Лестница птиц видит лестницу снов –
птичий сфинкс.

Мир строился сверху вниз,
будто падая ниц
с лест-ниц,
стра-ниц,
рес-ниц...

1996

Или при помощи чтения в обратную сторону — «Первый палиндромический словарь современного русского языка» (1999). Там каждый читатель может сделать это самостоятельно, вылавливая элементарные пра-формы из первозданного хаоса. Например, так: «В оке веков / начала чан. / Ход — вдох».

Но самый большой проект, объединяющий все формы создания мира, это суперпоэма «Свалка», которая начала сама собой образовываться в 1985 году и продолжает делать это до сих пор. Если в начале было слово и всё создано из него, то каким образом? Вот это я и выясняю в поэме. Слова возникают из слов, слова мутируют, превращаясь в другие слова (слон становится мухой, лицо — рожей), они делятся, как клетки, и соединяются друг с другом, ломаются и срastaются по-другому. Там звонкие становятся глухими, а количество переходит в качество:

...соединились
СТОК — КОТ — КАТ — САК —
ТРОС — ТОК — ТРАК — СКАТ —
КАРТ — СКОТ — СКАРТ — АКТ —
и получился —
С О К Р А Т:
возраст — СТАР
характер — СКОР
состояние — ТОСКА
владения — СОТКА
награда — ОСКАР
напиток — РОСА

Кто правит Сократом? – РОК
Что останется от Сократа? – СОР
Чего не останется от Сократа? – СТРОКА.

Этот фрагмент 2001 года, где Сократ разбирается на составные части, вошел в спектакль «Сократ / Оракул» Ю. Любимова и К. Кедрова в театре на Таганке.

Согласно представлениям современной психологии, слова в мозгу существуют в разобранном состоянии. Каждый раз, произнося слово, человек собирает его заново – творит. И если чувства переполняют его, то он буквально «не находит слов». Так, может, и не надо их искать? Лучше сказать так, как есть – передать чистое ощущение, пока оно не потеряло первозданность:

Тен чениго иревекас депарга
Нет ничего красивее гепарда
Ягуар – гяур, гений угрозы
Красивые всегда грозны
Нию гвесад –
они всегда.

Тигр и зебра вроде играют в одну игру
Мавра-ревнивца над ланью
играет пантера, рыча
Лев играет царя молча
Он властью солнца свят
Красивые всегда играют
Аргия яргот –
играя горят
Нию гвесад

Перекаtywая гортанью гравий,
вверх – пружина – прыжок –
леопард

Красивые всегда правы
Нио гвесад
Оге муш немшубес —
Его шум бесшумен.
Безумен
кто не отвел взгляд.

Красивые вроде хищные пляжи
или прожорливые ковры,
где внутри
огненные шары перебегают.
Не засыпай,
тебя растерзают.
Не убегай —
всё равно растерзают.
Красивые всегда терзают
Он ен од мертис —
но не до смерти.
Но не до смерти —
он ен од мертис.

Здесь внешний повод — бег гепарда, нападение тигра на зебру, прыжок леопарда. Внутренний — освобождение от проблем, телесной скованности, реальных забот. А сам текст складывается в момент произнесения, обвиваясь, словно лоза, вокруг буквы Р.

Вообще-то, не только мы пишем стихи, но и стихи пишут нас. Всё дело в том, кто на что ориентируется. Я помню свое глубокое разочарование, когда, прочитав в классе одно стихотворение, услышала практически от всех одноклассниц: «Как ты точно угадала мое состояние (ощущение, переживание)». А я-то была уверена, что пишу о чем-то только своим, тайном, необычном. И еще помню, что очень веселилась, когда обнаружила, что романс «Калитка», революционная песня «Отречемся от старого мира» и «Соловиный сад» А. Блока

замечательно поются на один мотив. Правда, «Калитка» и «Отречемся...» — это вообще другой жанр, и нельзя их рассматривать как поэзию, а поэма Блока относится к шедеврам русской лирики. На мой взгляд, поэзия делает то, что Мефистофель запретил делать Фаусту, — останавливает мгновения. Фауст — ученый, а не поэт, поэтому он с легкостью заключил этот договор. Ведь для ученого результат — только повод для дальнейшего исследования. Сегодняшнее открытие завтра устареет. В мире чувств всё иначе. Прекрасное мгновение, запечатленное поэтом, переживается снова и снова совершенно новыми людьми.

Каждый мой текст — это не что иное, как я сама в определенные мгновения, которые удалось остановить — оставить в первозданном виде, то есть, говоря фигурально, не превращая яблоко в компот или конфитюр. Я не тащу слово за собой — я сама следую за ним. Именно это я и называю «лингвистическим реализмом». Здесь очень важен рисунок текста, так как он передает интонацию, являясь как бы записью голоса автора. В этом есть еще один важный элемент — узнавание. Когда по дурацкому недоразумению в «Комсомольской правде» опубликовали мое визуальное стихотворение «Яблоко» под фамилией Юрий Кабаков, один человек позвонил моим друзьям и сказал: «Да это же явно стихотворение Елены Кацубы!», хотя прежде он его не видел. Я думаю, что это вполне можно расценивать как патент на изобретение. В 1984 году возникло содружество ДООС — Добровольное общество охраны стрекоз, куда входят Константин Кедров, Людмила Ходынская и я. Девиз — «Ты всё пела? Это — дело!» (Название образовалось из строки стихотворения Кедрова «ДООС».) Мы занимались именно иероглифической поэзией, где главным было соответствие звука изображению и выпустили (с 1995 по 1999 год) 12 номеров издания «Газета ПОэзия» (с 2000 года преобразована в «Журнал ПОэтов»). Позднее вошли поэты Генрих Сапгир, Андрей Вознесенский, Сергей Бирюков, Вилли Мельников, Вадим Рабинович.

А что касается чисто женского аспекта поэтического авангарда, то можете ли вы представить себе женщину, которая всю жизнь ходит в платье одного и того же покроя и цвета, меняя только длину подола и рукавов? Такое, вы скажете, возможно только при крайней бедности и беспросветной нужде. А если женщина всю жизнь пишет стихи в одном ритме, ровными четверостишиями, ничего не меняя и даже не пытаясь изменить?..

9 сентября 2009, By Master

Свалка

Суперпоэма

«Свалка запрещена!»

Плакат на свалке

Женбла кот сепотил йес рим
в оге нитумы коворые...

Д. Тетвюч¹

Не выходя за пределы слова
СВАЛКА,
в нем найдут друг друга:
АС и СЛАВА
СКАЛА и ЛАВА
КВАС и ЛАВКА
ЛАВ и ЛАСКА
ВЛАС и КЛАВА
Они наедаются САЛА
и станцуют ВАЛЬС
ПУТЬ НА СВАЛКУ НЕМИНУЕМ!

¹ Блажен, кто посетил сей мир / в его минуты роковые... / Ф. Тютчев (перевод с языка свалки).

СТОПКА приводит прямо на свалку:
стопка-стойка-стайка-свайка-СВАЛКА.
УТАЙКА еще ближе:
утайка-стайка-свайка-СВАЛКА.
СТЫЧКА идет тем же путем:
стычка-стачка-скачка-скалка-СВАЛКА.
СЛУЖБА проходит более длинный путь:
служба-служка-слежка-Олежка-Олечка-
овечка-свечка-сверка-сварка-СВАЛКА.
СПЯЧКА неминуемо выведет туда же:
спячка-спичка-спинка-свинка-сванка-
СВАЛКА.

ПРАВДА на свалку не приводит!
У нее свой путь.
ПУТЬ ПРАВДЫ

- 1) ПРАВДА-правка-плавка-плавки-ПЛЕВКИ
 - 2) ПРАВДА-правка-травка-ТРАВМА
 - 3) ПРАВДА-правка-плавка-планка-пленка-
плетка-КЛЕТКА
- СВАЛКА – СВАДЬБА СУДЬБЫ

Какая СВАЛКА без МАТРАСА?
Какая СВАДЬБА без МАТРОСА?

Он сине-бело-полосат,
в нем дружина пружин, и все торчат.
По семейным волнам
нынче там — завтра к нам!

МАТРОС — это РОСТ, ТОРС, АМОР
это ОСТ, МАРС, ТРОС
это РОМ, МАТ, СТРАМ
КАРТА МИРА — СКАТЕРТЬ ПИРА
МЕНЮ

Завтрак: Азия — язи
Европа — репа

Обед: Австралия — салат, слива
Африка — икра, раки
Россия — рис, соя
Америка — икра, раки, крем

Ужин: Франция — яйца
Париж — жир
Берлин — блин
Москва — сом, сок, квас
БУТЫЛКА

Пустая — бука, полная — улыбка,
в ней лук и булка,
она — клуб для любителя.
Но когда из нее вылезает бык,
то ату его!

У свалки нет стен,
но есть СЦЕНА,
где всему ЦЕНА есть
и всё БЕСЦЕННО.

Здесь царит МАГ БЕД — МАКБЕТ
и чего РАДИ АКТИВЕН Полоний
если стих гул и ГАМ ЛЕТ
а лиф Офелии сторожит

Розенкранц – ржавый КРАН
обтекает ГНИЛЬ циСТЕРН – Гильденстерн
и за это им ПРИЗ – РАК ржавчины
РЖА – РАдуге РАспада
в ней ЖАР и РАЖ
она из лица сделает рожу

Вот ЛИЦО
вот ЛИЦА людей
целая ЛИГА лиц
обмолотит их РИГА жизни
покроет РИЗА смерти
и где была РОЗА любви
будет РОЖА страха

СТРАХ – СТРАЖ наш

На свалке вас ждет
ЛЮБОВЬ!
В ней есть ЛОВ
есть БОЛЬ
есть ВОЛ
но нет воли

ЛЮ – БОВЬ
ЛЮ – БОЛЬ
ЛЮ – НОЛЬ
ЛЮ – НОЧЬ
ЛЮ-в-НОВЬ
ЛЮ – БОВЬ

Как это СМЕРИТЬ?
себя СМИРИТЬ
либо СМЕР-ТЬ

КУКЛА на СВАЛКЕ!
СВАЛКА на КУКЛЕ...
КУКЛА

губы — лук
щеки — лак
глаза — аул акул
в сердце — капитан Кук
характер — кулак

Но свалка знает свой срок:
кулак станет кулёк
оборки будут опорки

На свалке в здоровом ТЕЛЕ
ЕЛЕ
здоровый ДУХ
УХ

а для б-ольных (в-ольных) есть
ПОЛИКЛИНИКА — В-ПОЛЕ-КЛИНИКА
ПОЛУКЛИНИКА — НА-ПОЛУ-КЛИНИКА
НА-ПОЛ-КИНУЛИ и пошли
Вас встречает сестра — ГРЕЛКА
раньше — ГРЕЛА
теперь — ГЕРЛА
У нее БИНТ — БАНТ — ее ФАНТ —
ФАРТА ФАРЦА
ее ЦАРЬ и ПРИНЦ — ШПРИЦ
ОТРАВА — ОТРАДА УКОЛ не УКОР
ИГЛА — ИГРА ИРРАциональная
ОПЕРА ОПЕРАционная

Видеосалон «СВАЛКА»

Экологический триллер

По заказу окружающей среды
и других дней недели

сериал «СЛОН»

Серия первая

Белый СЛОН
СТОН издал —
в СТОК упал,
как УТОК в нем сновал,
но жизни УРОК кончен,
счастья УРЮК съеден.
Готовит КРЮК
с криком КАЮК
смерть — узкоглазый КАЮР.
Вот новый КАДР —
черный КАФР
сидит в КАФЕ.
Перед ним КАРЕ карт:
выпала КАРА,
жизнь — КОРА гнилая.
Лопнула КОЖА слона,
раскрылась ЛОЖА нутра,
и там, где ЛУЖА
дрожит, как ЛУЗА,
МУЗА свалки —
МУХА.

Анкета манекена

Наименование	МАНЕКЕН
Пол	МАН
Национальность	НЕМКА
Родной язык	НЕМ
Историческая родина	НЕМАН
Вероисповедание	АМЕН
Образование	НЕМА
Основное занятие	ЕМ
Жизненное кредо	МНЕ!
Любимый цветок	МАК
Любимый писатель	МАНН
Любимый художник	МАНЕ
Поэтический символ	АКМЕ
Кем можно заменить в случае отсутствия	НЕКЕМ
НА СВАЛКЕ ЗАМЕНИМЫХ НЕТ!	

Любой стандартный предмет
на свалке приобретает индивидуальность.

Все новые башмаки новы одинаково —
каждый рваный башмак рван по-своему!

Глас четвертый

Невеста – это лодочка
для Ладони

Ад ос. Ода

Хит с осой – осостих

Себе нет осы в высоте небес,
не видок осы высоко дивен —
в осе были силы бесов.

Нет осам ума сотен,
у тел сил и взяв, язвили с лёту.
Солистка — факт сил ос —
жуж-
ж-ж-ж-
ала,
жалила ж!

— Да где осоед гад?
— Леди, вон осоед. Где ос он — о! — видел,
согнал фланг ос.
Как ясли в аду делал еду, давился как:
«Я ел, аж жалея,
сор и жир ос».

аЗияние

Безумный кузнец созвездий
загородил зверей из бездны
забором гвоздезвездным

Зов муэдзина
алмазным лезвием разрезал
занавес заката

Ознобом звёздным разбежались

заоблачные знаки Зодиака

Закрыты Близнецов глаза:

Азиза и Азиз
измученные розами
забылись

Зуб золотой в зенит вонзился —
Возничий запоздалый,
не задень!

Раздвинуты запретные затворы
звездочасам приказано звенеть:
— Одзин... одзиннадцать... звенадцать...

Шахерезада
казни избежав
из вазы Азии загадочные вензели сказаний
извлекает

Забыты праздники и состязанья
заброшены законы и приказы
в забвении разбойники в зинданах
визирь измаялся бездельем
и заговор задуманный завис

Змеиные зрачки зелёных глаз
гипнозом звёздным связали разум

И сызнова заря зарю узнав
сказала:
— Звеликий зарь, звенец земли,
дозволенное завершаю.
Засни, забот не зная».

Замолкла и зашла за горизонт

Возвращение

Палиндром-триллер

Мимо длим ход. — Звони! Но вздох — мил дом им.
Жар и вечер — тс! — встрече. Виращ
дорог Азии за город.
Али памяти бит яма пила?

И не триллер зрел — лир тени,
ром армии роз, и зори, и мрамор...
Но вход — вдох вон:
мох, этаж сжат эхом
и тел пепел к свече, в склепе плети.
Навзрыд у дыр зван
ада голос или соло гада?
Кот у стен кричал, и пила — чирк! — нет суток,
кот ужаса жуток.

А ритуал зла у тира.
Али скор у кого курок — сила!
Им я лупила дали пулями,
и
мело праха сахар полем.

Если

Если отвергнешь
холодный транс черёмухи
если балетные позы сирени
тебя не сведут с ума
если сбежишь от жасмина —
в нём осколки фарфора
китайских семейных ссор —
значит жёлтые глаза липы

возьмут тебя в летний плен

Если двери рожают шаги из утробы звука
если стёкла звенят и роняют на пол
квадратный свет
если закат вторгается в окна
режет рамой стены и двери
значит молчаньем минувшему не мешай
но с будущей осенью говори

Если же снова наступит «снова»
если в двери опять постучит «опять»
если уже и «уже» приходит
если ещё и «ещё» требует свою часть
значит зима стоит на пороге —
больше нечего выбирать

Заговор рек

Поэтическая викторина

Лагуна Юношеской Близости Илесто Тепла Если
Лоза Южанка Бутылкой Изабеллы Тревожит Ежевечерне
Лидию Юбилейных Бокалов Инспектирует Тресковый Евнух
Дон Радиоволн Уведомит Горизонты
Двина Ревности Утратит Глубинную Ауру
Лодки Юлят Бортами Избегая Траверса Единобрачья
Лопасты Юбок Бьются Из Темноты Едва
Линь Юркий Блеснет Искрами Телесных Единичек
Днепр Речи Утроит Гнев
Днестр Русалок Убежит Где Амазонка
Летит Юзом Бравада И Тяготит Естество
Ласка Ютится Бездонно Иная Теснина Ей
Лиман Юродивых Бережет Их Тайна Есть
Даугава Разгула Уговорит Ганг
Дунай Рук Утратит Границу Антропоморфа
Замбези Африки Громом Охнет Внутрь Омута Рта
Заговор Рек Еле-Еле Терпит

Играю ноктюрн

...на флейте водосточных труб?

В. Маяковский

Я узнаю вас позвоночно
флюиды флейты в трубах стока
когда размытое утрило
в дали палитры мокрых окон

Бурливо гуляет в решетках
реки подземное бульканто
и дней закадры завершает
багрово тучное адДанте.

Лев

На берег музыки
выходит разгневанный лев
гриву склоняет, ложится на камни
воду призрачную лакает
и присмирев
говорит с луной языками пламени

На берегу музыки
грохочут волны безмолвия
оглушают молчанием чайки
Здесь убивают любовью
воскрешают отчаянием

Мудрость музыки высока и строга,
Зорким слухом миры прозрев.

Нет у музыки берега
нет у музыки берега...
но есть лев

Меч сна

Меч — палиндром обоюдоострый.
Вертикальный — страж жизни.
В горизонтальном полете — служитель смерти.
Его обивает канат надежды.
Его время — нуль.
Его цвет — лунный.
Его цветы мак и лилия.

Меч, а звон сводов снов зачем?
Меч в ответ: «Идите в сон, но свет. Идите в то, в чём
узором на древе сна титан Север дан морозу.
Я дал нуль лет, ибо во сне Рим смирен —
сов обитель, лун ладыя.

А Коран сынам боя — обманы сна рока».
Вот сон — улитка, Шиве — лев и Шакти — лун остов.
Лев из яви маками вязи вел.
Лев умен, мак сонлив, слезу в узел свил,
но с камнем увел —

зал грез озер глаз.
Вол сном един и демон слов.
От каната снов вон, Сатана! Кто
в окне видел Имя и лилиями — Леди Венков?
Цедив он смолы богам — маг, о былом сновидец,
но свят. Иди, дитя, в сон —
ночемеч он.

Нить Ариадны

тебе — меня плеНИТЬ
раНИТЬ
мне — тебя замаНИТЬ
одурмаНИТЬ
в лабиринте НИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
чтобы нас соедиНИТЬ

оборвется НИТЬ
некого виНИТЬ
ничего не измеНИТЬ
только в памяти храНИТЬ
помНИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
НИТЬ
помиловать
нельзя
казНИТЬ

Происшествие

В каналы брошенные башни
на части рвутся
морщат окна
куда упала с парапета
та что смотрела в эти окна
на мокром камне поскользнулась
когда задумалась о жутком
и пожалела что сломалась.

На каблука тупую острость
упала солнечная сырость
реаниматор праздный молвил:
«Здесь капельницы не помогут
она обманывала много».
И увеличил жизни скорбность
златой улиткою валторны.

Путь

Кто нашёл
шёл
шёл
шёл
шёл
шёл
шёл
шёлковый путь к сердцу женщины?

Рифма

В горящий закат
вечерний ракат
выпустил рифмы ракет
Только на западе знаки востока
обретают форму и цвет
Рифма блуждает меж языками
рождая словесный кайф –
в русском рифмуются НОЧЬ и НОЖ
в английском NIGHT and KNIFE

С-л-ЕЗАМ откройся

С-л-ЕЗАМ откройся,
дверь сокровищ
сердечных,
а ума палату пусть опечатает сургуч
в окне расплавленного солнца

Свеча

Свеча боится темноты

Чем больше страх свечи — тем ярче свет
Чем ярче свет — тем жизнь свечи короче
Чем жизнь короче — тем сильнее страх
Чем страх сильней — тем ярче свет свечи
Чем ярче свет — тем жизнь короче
Чем жизнь короче — тем сильнее страх...

Глас пятый

Прикосновение –
это граница Поцелуя

Сальери и Моцарт

Сальери, господин преклонных лет
в огромных башмаках скрипучих
и челюстью, гремящей при ходьбе,
по сцене движется причудливым зигзагом
и что-то ищет. Видимо, парик.
Бормочет он: «Нет правды на земле,
но правды нет и выше, — добавляет,
на стул вставая,
из-под ладони озирая зал.
Но тут, парик увидев на шкафу,
торжественно его он надевает,
идет за клавикорды, говоря:
«Мне это ясно, как простая гамма».
Играет гамму и поет:
«До, ре, ми... тьфу!»
Затем встает и, шаркая ногами,
идет к столу.
А на столе под белым покрывалом
как будто вроде женщина лежала,
и вот Сальери начал монолог:
«Родился я с любовью к искусству», —
сказал он и движением искусным
он покрывало с женщины сорвал.
Та женщина была виолончелью.
Сальери начал рыться в ее теле,
он в ней отверткой понаделал щели
и наконец кувалдой доконал.

«Музыку я разъял, как труп», — сказал он,
затем накрыл остатки покрывалом
и простонал: «О Моцарт, Моцарт!»
А в это время Моцарт постучал
и, осторожно двери отворя,
на сцену ввел слепого хипаря —
хипарь зарос по пояс волосами
и потому не видел ни черта.
А Моцарт, он известный был задира,
всем объяснил, что около трактира
он этого маэстро подобрал
и осторожно вел его до двери,
чтоб позабавить милого Сальери:
«Из Моцарта нам что-нибудь сыграйте!»
Хипарь достал из-под волос гитару,
она была расстроенной и старой,
в ней явно были лишние детали,
и завопил: «Под музыку Вивальди...»
У них, у хипарей, своя мораль.
При этом Моцарт радостно смеялся,
Сальери громко топал и плевался,
он челюстью стучал о клавикорды,
а музыканта просто выгнал вон.
Тот мимо двери пару раз промазал,
потом раздвинул волосы
и глазом
Сальери смерил с ног до головы.
Сказал Сальери с миной благородной:
«Мне не смешно, когда маляр негодный
мне пачкает мадонну Рафаэля».
Потом икнул, как с тяжкого похмелья,
и возле клавикордов сел на стул.
Тут Моцарт, полный ложного смирения,
игриво сел к Сальери на колени,

схватив его за букли на ушах,
и не сходя с колен его дрожащих,
сыграл на клавикордах дребезжащих
очередной какой-то пустячок.
Тут у Сальери вылезли гляделки.
Не мастер на подобные безделки,
он в музыке был истинный педант:
полжизни в нотных знаках разбирался,
а как до сочинения добрался,
так знай себе по правилам строчит.
Запрется в кабинете и пыхтит.
А Моцарт встал, окончив безделушку,
и, в парике поправив завитушку,
спросил:
«А правда Бомарше кого-то отравил?»
Сальери пасть разинул в изумленье,
а Моцарт продолжал: «Ведь он же гений,
как ты да я,
а гений и злодейство —
две вещи несовместные».
Сальери комплиментом счастлив был
и Моцарта на ужин пригласил.

Но только дверь за Моцартом закрылась,
в душе Сальери буря разразилась.
Оскалив зубы и расставив ноги,
стоял, как указатель у дороги,
рукою тыча Моцарту вослед,
и бормотал: «Как некий херувим,
он несколько занес нам песен райских...»
Завидовал Сальери и терзался:
он целый день над музыкой корпел,
а этот на — вспорхнул и полетел.
А нравственно ли это?

Скрипя крестцом и матеря погоду,
нужны ли эти Моцарты народу,
Сальери думал.
Да, это повод был для разговора,
но в монологе слишком много вздора.
Тут приплелась какая-то Изора...
Старинная, наивная love story!
Не зря Сальери вспомнил об Изоре.
Она его любила? Да, к несчастью,
и умерла в бесплодных муках страсти,
наглядно убедившись и проверив,
увы, несостоятельность Сальери.
Яд в это время был не дефицит.
Что общего меж Моцартом и девой?
Но у Сальери взгляд на это дело
был, как мы видим, несколько иной.

Но пробил час, и Моцарт вновь приходит,
одетый и причесанный по моде,
но вроде как не весел и грустит.
Сальери, впрочем, до того нет нужды.
Он говорит: «Последний дар любви,
переходи сегодня в чашу дружбы», —
и высыпал в бокал любимый яд.
А сделав дело, сразу стал добрее
и Моцарта просил быть веселее,
но тот никак не начинал гулять.
Обиделся Сальери: это слишком!
И Моцарт начал нудно, как по книжке:
«Играл я на полу с моим мальчишкой...»
А дальше шел сюжет вполне реальный,
хотя, конечно в чем-то сюрреальный,
сюжет там примешался матерьяльный
и реквием какой-то inferнальный...
Сальери, впрочем, слушал невпопад.

Давно в бокале растворился яд,
и Моцарт наконец-то взял бокал
и тост, как полагается, сказал:
«За искренний союз,
связующий Моцарта и Сальери —
двух сыновей гармонии».
«Ты думаешь? Ну, пей», —
сказал Сальери. Надо бы скорей,
история рассудит, кто чей сын.
Когда, шатаясь, Моцарт удалился,
в Сальери червь сомнения поселился:
«А может быть, он прав, и я не гений?
А Буонаротти?
Иль это бред бессмысленной толпы,
и не был убийцею создатель Ватикана?»
Взглянул на дно моцартова стакана
и, глядя в зал, задумался навек —
«...как будто член болезненный отсек».

Глас шестой

Поцелуй –
это безграничность
Прикосновения

Звезда

Сошли сыны Божию на землю и стали входить к дочерям человеческим, их земной красотой обольщённые. Встретил Шамхазай одну девицу по имени Истеарь и пленился ею. Но Истеарь сказала: «Я соглашусь ответить на твою любовь, если ты откроешь мне „Шем-Гамфорош“, произнося которое ты возносишься на небо, когда этого пожелаешь». Ангел исполнил её требование. Тогда Истеарь произнесла святое имя и вознеслась на небо, сохранив беспорочность свою. В воздаяние за её добродетель Всевышний обратил Истеарь в звезду и поместил её в Плеяде.

Агада

Всемирный потоп — брак земли и неба
скачет по волнам скорлупа ковчега
ни окон, ни дверей
полна горница зверей

Всемирный потоп
вдоль и поперёк
по холмам по лицам
вниз по груди
вдоль ног
Смеётся блудница:

«Я вознесусь на небо
я светлым светом буду сиять на восходе
осенённая месяцем
возвещающая мессию»

Раскаты её смеха
превращаются в раскаты грома

Пока Ной по волнам носился
Христос в пустыне постился
на каменной коже праматери пустыни
Из жаркого её черва вышел, качаясь от ветра
Голубь вернулся с зелёной веткой
Ушла вода обратно
от вершины Арарата
а на горе Арарат
растёт крупный виноград

Не знавший вина
выпил Ной вина
развалился, задрал рубаху, в винограднике
а над ним крупной виноградиной
висит звезда Иштар
допотопное чудище
звезда двуполая —
утром женщина
вечером мужчина
Ной в смущении
Смеются сыновья над отцом
смеётся отец над сыном
смеётся звезда над ними —
в городе Содоме
над садами

— Лот
отдай нам твоих гостей
ждёт
их брачная постель
ждёт
их каменное ложе
и алтарь — богини лоно
Там
Сплетясь телами в танце
красоты познаем тайны
окровавленные плети
нам откроют тайны плоти
и звезда, сияя лоном
будет будет благосклонной
к нашему Содому

А когда напряглись в поцелуях уста
и на каждое ложе взошла Иштар
волной до горла —
раскаленная лава накрыла город

Вино глумливо, сикера буйна
с горя выпил Лот много вина
сикера буйна, вино глумливо
дочери Лота нетерпеливы
— Да будет нам мужем наш отец
наш бог-отец, наш творец
да будет отец нам во имя сына
да будет сын нам отца во имя
да не прервётся наш род
о, Аштарот!

А пока на земле творится брак астральный
переходит на небе Таммуз в Астарту
преображается мужское тело в женское
до последней капли блаженства
превращается в утро вечер
переходит в Венеру Веспер

Спит Господь умиротворённый
после мира творенья
Спит Адам перед Евы явлением
обращённый к Луне ребром прободенным
Спит Ной
обвитый виноградной лозой
В комнате, пропахшей мускусом и лавандой
спит Иаков, обманутый Лаваном
Спит Иосиф в девственном чреве Рахили
прозревая разгадку снов фараона
Спит Моисей в тростниковой корзине
Спят апостолы после тайной вечери
А над краем неба
разлеглась Иштар — Венера
склонила виноградные грозди
полные вином Нового Завета
Камень отвален волной света
спит стража у двери гроба
вечного гроба
пуста утроба

1978

Глас седьмой

Расстояние
между Людьми
заполняют Звезды

Константин Кедров-Челищев. Елена – Вечность

Вечное издание

В Гнесинке маленький балеринчик
Сложные па отработывал в холле
В детстве и я был всеобщий любимчик
Зрела поэзия в неге и в холе
Ну разумеется кто то подножки
Ставил то в холле то в коридоре
Я ж оставался на красной дорожке
В школе и дома дома и в школе
Был я частенько гоним и бездомен
Двойки и тройки по всем дисциплинам
Я понимал что талант мой огромен
И для себя был всегда исполином
В Гнесинке маленький балеринчик
Сложные па матерясь отработывал
Я подражал Леонардо де Винче
В новой поэзии я акробатом был
Все чертежи мои и криптограммы
Так и остались не расшифрованы
Смело вводил я в поэзию гаммы
В небе резвился мой стих раскованный
В Гнесинке маленький балеринчик
Тренировался среди перил
А парашут Леонардо де Винче
Только в рисунках его парил

Мы лучами играли друг в друга
И лучами сплетались упруго
Мы друг друга ласкали лучами
Обнимались лучами ночами
Мы в друг друга лучами играли
И сияли сияли сияли
И я так же как раньше ночами
Всю тебя обнимаю лучами
Ближе ближе нет ближе чем ближе
Все равно тебя я тебя не увижу

Нас лечили доктора Мертвого
Ничего в них не было живаго
Доктора Мертвого нас лечили
И весьма успешно замочили
Ты замолкла навсегда замолкла
Оттого так в космосе промозгло
Оттого вся жизнь остановилась
Коранован коронарный вирус
Наложил на счастье карантин
Этим миром правящий кретин

Что толку что я всем внимаю
Всех вас по своему любя
Я никого не понимаю
Не понимаю и себя
Мне надоело понимать
Из тела душу вынимать
Душа моя давно с тобой
Давно ей в этом мире тесно
Живу с тобой одной тобой
Но только где ты неизвестно

Дама ИКС

Я встретил Мертвую Царевну
Но без семи богатырей
Я встретил мертвую царевну
Из рода мертвых королей
Я встретил мертвую Царевну
Она среди людей живет
Она похожа на деревья
Она живет когда умрет
Она сама как гроб хрустальный
Она живых к себе влекла
Но разбивать собой не стал я
Небьющегося гробстекла

Не смей не приходить явись
Ведь я живу любя
Не для тебя вся эта жизнь
И смерть не для тебя
Я знаю точно смерти нет
Ты в глубине сердечной
Хотя бы на один момент
Явись из жизни вечной
Пусть я того не заслужил
Ты только прикоснись
Ведь я с тобой пол века жил
Ну хоть на миг явись

Незримым облаком любви
Окутало планету
Живи живи живи живи
Планета многа лета
Плыви сквозь облака любви
Живи живи живи живи
Истребляй любовью мерзость эту
Исцеляй любовию планету

В мутной злобе подлинности нет
Подлинна любовь в Раю планет
Пусть от злобы в жилах стынет кровь
Побеждает мудрость и любовь

Я молюсь тебе стихами
Всеми всеми потрохами
Я молюсь молюсь молюсь
Я молюсь молюсь молюсь
Я молюсь тебе словами
Я молюсь волной цунами
Всеми звездами молюсь
Я молюсь молюсь молюсь
Если небо не свернулось
И земля не развернулась
Не разверзлась пропасть звезд
Значит Леночка проснулась
И как прежде улыбнулась
И планета не погост
Но земля теперь погост
И разверзлась пропость звезд
И свернулось небо в свиток
И расплавлен солнца слиток
Из под ног ушла земля
Где ты Лялечка моя
Средь могил из черных дыр
Только Бог нам повадирь
Как планеты мчим по кругу
Оба молимся друг другу
Смотрим звездными очами
Разлученные лучами
Отлученный от лучей
Я ни чей не чей ни чей

Я вижу твоё небо
Это молчание
Я слышу тебя это небо
Я жив потому что вижу и слышу
Твоё молчание
Я учусь осязать невидимое
и слышать неслышимое
Это мой проект воскрешения тебя
Помоги мне Господи
В этот Чистый четверг
Осуществить задуманное
Воскресай во мне
Ненаглядный Леночек
Воскресай котёночек смысла
С мягкими коготками нежного вдохновения
Все равно тебя выдают твои голубые глазки
И твоё причёска разметавшаяся как ночное небо
Сияющее всеми звёздами
Невидимыми и видимыми
Не позволю тебе
Снова уйти в невидимость и незримость
Мое мурлычное Сиятельство
Котёночек смысла робко свернувшийся
в клубочек невидимого
Ощетинившийся шелковыми шерстинками
И мягкими коготками
Воскресай играючи смыслами как бумажкой
Поиграй глаголическими глаголами
Кириллическими кириллицами
Полетай над аэродромами палиндромов
Воскресай во мне
самыми нежными смыслами и словами
Воскресай осязанием бесконечности
Так похожим на прикосновенье к тебе собой
Или к себе тобой

О облачко вокруг губ парящее не то словом
Не то дыханием
О пульсирующая незримая бесконечность
Осязаемая как тело
Как слепой я ощупываю
Твой облик ладонями угасающего зрения
И чем расплывчатей очертания
Тем зримей и осязаемей
Твое тело твой облик
Вылепленный из глины
 памяти моей хранящей тебя
В саркофаге моей памяти
Ты живая
Воскресай
Йасерксов

Я запустил часы обратно
К тебе где снова неразлучны
Где все объятья необъятны
И все часы с тобой нескучны
Туда туда где ты живая
И я счастливый и живой
Там я от счастья оживаю
Где я с тобой и ты со мной
Как не в свое попал я время
Где нет тебя
Я здесь случайно
Ах это время время бремя
Отчаяние отчаяно
Крутитесь стрелки против стрелки
Я стал мишенью для пристрелки
Мы врозь мы врозь мы оба врозь
Судьбой прострелены насквозь

Где МТС и где Билайн
В коронавирусной заразе
Как на трансляцию онлайн
Мы перешли но нету связи

Если я еще дышу
И стихи тебе пишу
Значит ты еще жива
И бессмертны все слова

Любимая любимая
Люби меня люби меня
Куда бы ты ни скрылась
Поет церковный клирос
Любимая любимая
Люби меня как я тебя
Как я тебя как я тебя
Любя тебя любя тебя
Любимая любимая
Пускай теперь ты мнимая
И для меня незримая
Ты все равно любимая
Из недр земли из кратеров
Взываю многократно я
Кому то непонятное
И небом необъятное
Любимая любимая
Люби меня люби меня

Боже Боже Боже Боже мой
Или ты не Бог или не мой
Не прошу ума чтобы понять
Но хоть раз мне Леночку обнять

Я смирен пред волею Твоей
Не стремлюсь быть Господа умней
Не стремлюсь осмыслить и понять
Лишь один разок ее обнять
Может быть последнее свиданье
Не обрушит это мирозданье
И не навлечет на мир проклятье
Нежное последнее объятие
Знаю сам что это невозможно
Но ведь не безбожно не безбожно
Господи услышь мое рыдание
Подари последнее свидание

Может быть может быть случится
Нам никогда не расстаться
Может быть на расстоянии
Душ наших вечно слияние
И чем длинней расстояние
Тем горячее слияние
И чем слиянней слияние
Тем осиянней сияние
Ты и при жизни сияла
Прямо из Ориона
Светом своим озаряла
Только меня Скорпиона
И не нарушилась связь
Ныне звезда взорвалась
Света сияющий гейзер
В небе звезда Бетельгейзе

Дальше ты от меня или ближе
Все равно я никак не пойму
Что с того что тебя не вижу
Все равно я тебя люблю

Как при жизни в твоих объятьях
Засыпаю и просыпаюсь
И пускай не могу понять я
Но люблю по прежнему каюсь

До чего же душа инертна
Я не знал что ты тоже смертна
Я не знал я не знал я не знал
Что в финале уйду в финал
Жизнь моя это жизнь твоя
Смерть твоя это смерть моя
В каждом часе твоём и дне я
Как Титаник лежу на дне я
Все сияло кружилось верьте
Все разбилось об айсберг смерти
Но поётся все что поётся
И любовь к тебе остаётся

Все во всем всегда без берегов
Не пределов для любых идей
Люди не бывают без Богов
Боги не бывают без людей

Арифметика как ты нелепа
Если двое вышли из склепа
Один плюс один не два а весь мир
Один плюс один это вместе мы
Два минус один это не один и не ноль
Это минус все в плюсе только боль
В плюсе только боль в плюсе только боль
Пустота не заполненная тобой
Мирозданье корень из пустоты
Боже мой почему пустота не ты
Вещи что вернулись в дом без тебя
Словно кожу сбросила жизнь змея

Тепел пепел что я в могилу зарыл
А потом как пес над пеплом завыл
Во всемирном склепе нуля
Упокоится вся земля
Затихает вражды вендетта
Спит Ромео и спит Джульетта
Пусть один плюс один
Прозвучит нелепо
И Ромео с Джульеттой выйдут из склепа

А помнишь солнце было мячиком
И мы играли им совместно
Мы оба слушали Яначека
Ту Глаголическую мессу
И стала наша жизнь совместной
Той Глаголическою мессой
Мы слушали Весну священную
И стала жизнь весной священной
Мы погрузились во вселенную
И стала наша жизнь в селенной
О как же мне поверить хочется
Хоть в горле все еще рыдается
И сказано — Концерт окончился —
Что жизнь как прежде продолжается

Вдруг я печаль свою преодолею
И выйду на широкую аллею
И мы пойдем по ней как прежде рядом
Обмениваясь шепотом и взглядом
По той аллее больше полувека
Шли вместе два счастливых человека
И вдруг иду по ней совсем один
Доживший до лысеющих седин

Не понимаю и не принимаю
И мысленно словам твоим внимаю
И чувствую идешь со мною рядом
По листопадам. И под снегопадом

Ну нет такого бытия
Где я не ты и ты не я
Но есть другое бытие
Где все мое давно твое

Мы больше полувека были вместе
Теперь душа и тело не на месте
Душа без тела тело без души
Одумайся теперь не мельтеши
И осознай всей жизни перемену
Умри за ней иль воскреси Елену
Я теорему сложную решаю
Я не пишу я Лену воскрешаю

Если бы я Лялечку не встретил
Я бы этой жизни не заметил
Во множестве миров есть мир один
Где я с тобой и ты со мной — весь мир
Среди бесконечных миров и планет
Случилось сие рандеву
Как смеешь ты жить если Лялечки нет
Не смею но все же живу
Скажу на сердце руку положив
Да я и сам не верю что я жив

Я в этом мире словно вор в законе
Восьмой десяток годы так мгновенны
Изобретатель радио Маркони
Транслируй мне оттуда голос Лены

Изображенье передай Зварыкин
Включив потусторонний телевизор
Я в мире как Орфей без Эвридики
Верните Лену из глубин вселенной
Эйнштейн зачем ты время не замедлил
Чтобы она была со мной всегда
Еще молю Подольский с Розенфельдом
Телепортируйте ее сюда
Мне все равно волна или частица
Мге все равно частица иль волна
Дозвольте мне к Елене причастица
Причастен я причастен к ней до дна
Все как угодно изменя
Верни ее взываю О
Боже
Ее ко мне и к ней меня
Ведь это же одно и то же

На кладбище Донском я похоронен
Где пепел твой а в нем моя душа
Из всех законов лишь закон Харона
Здесь властвует спокойно не спеша
Теперь живых и мертвых не разбудит
Твой стих который ты сама забыла
Теперь не важно что со мною будет
А важно только то что ты любила

Полвека я любимую любил
Но сам Господь срок жизни ей уменьшил
Средь умирающих я рядом с Леной был
А ныне нет меня среди умерших
Не нам отмеривать срок жизни на земле
И я смиренно голову склоняю
Прах Леночки покоится в земле
Я на земле но ей не изменяю

Измены нет и никогда не будет
Во всех мирах я ей принадлежу
Когда Архангел всех трубой разбудит
Я так любимой Лялечке скажу
Я верил наша встреча неизбежно
Прспали мы отнюдь не вечным сном
А я люблю тебя все так же нежно
А смерть твою считаю страшным сном
А впрочем для чего скажу о Боже
Нам ждать Архагела сияющей трубы
Я и сейчас скажу тебе все тоже
Люблю тебя и ты меня люби

Руки лицо и губы
В целое собирай
Рай Елена Кацюба
Елена Кацюба Рай
Радужек нежных нимбы
В каждом дрожит слеза
Небо какое небо
Небо ее глаза
Рай Елена Кацюба
Все остальное бред
Нет Елены Кацюбы
Елены Кацюбы нет
Эхо мне не ответит
С тьмой встречается тьма
Солнце солнцу не светит
Солнце сошло с ума

Как избитый клоун Бим
На арене я любим
Та арена как Голгофа
Вся под сенью Саваофа

Хлебников Мариенгоф
И конечно Саваоф
На арене прозвучала
Мирсконца и Мирсначала
Всех раздев и всех обув
На арене ставят Буфф
Я поставил здесь когда то
Посвящение Сократа
У подножья Парфенона
Было то во время оно
Наступило время Это
Для гонимого поэта
Ныне ставлю монастырию
Не обычную мистерию
И своей смартфонолирую
Сам себя себя транслирую

Во всем всегда тебе я буду верен
В тебе я больше чем в себе уверен
Тебе я верен больше чем себе
И это главное в моей судьбе
Я думаю что ты во мне и над
Поэтому я жив еще покуда
За рифму я держусь как за канат
Протянутый тобою мне оттуда
Как за канат за рифму я держусь
Быть может там тебе я пригожусь
Моя молитва изнутри и над
Она к тебе протянутый канат

Да и при жизни нас разлучали
Ссорами ревностями интригами
Мы на интриги не отвечали
Мы занимались другими играми

Вот и теперь я с тобой играю
В игры по имени жизнь и смерть
Вместе с тобой приближаясь к Раю
Партию эту сыграть бы суметь
В карты я часто тебе проигрывал
В шахматы бились друг друга любя
В шахматы нежно тебе подыгрывал
Так мы играли в тебя и в меня
Ныне конечно игра другая
Ныне на карте любовь против смерти
Я в ней играю любви помогая
Ты мне подыгрываешь в бессмертии
Все эти дни я рыдал в три ручья
Проигрыш верный сулили нам черти
Выручить может нас только ничья
Только ничья для любви и бессмертия

Ты не покойная
Не беспокойная
Небес покойная
Покой Небесная
Небес словесная
Словес Небесная

Во всем я вижу только Бога
А больше никого не вижу
Не осуждайте меня строго
Я в сердце строгость ненавижу
И в вас я вижу только Бога
Ну что ж таков любви закон
Не осуждайте меня строго
Джюльетта вышла на балкон

Бог воплотившийся в Ромео
 Джульетте явлен навсегда
 Ромео превратился в небо
 Джульетта в небе облака
 Не осуждайте слишком строго
 Веронской девочки любовь
 Ромео это только слово
 В начале было слово слов
 Ромео тело и Душа Джульетта
 Джульетта тело и Душа Ромео
 Поймите же и вы единство это
 Соединение Земли и Неба
 Джульетта Небо и Земля Ромео
 Ромео Небо и Земля Джульетта
 Почувствуйте соединенье это
 Соединение Земли и Неба

Не я рыдаю рыдают мои слова
Не я рыдаю рыдают стены
Той комнаты где мы были вместе
Плачет кресло в котором ты сидела
Плачут книги которые ты
 читала и перечитывала
Рыдают недочитанные тобою книги
Рыдают клавиши айфона и ноутбука
Рыдает экраны телевизора и компьютера
Рыдает окно в которое ты смотрело
Звездное небо которое ты любила
Рыдаю я который тебя любил
Рыдаю потому что люблю
И буду любить
 до самого последнего вдоха
Ты мое звездное небо
Ты моя земля
Ты все и больше чем все

Как выстрел в Лермонтова смерть
Как выстрел в Лермонтова
А что в ответ а что в ответ
Лишь выстрел Лермонтова
Вернее был о не в ответ
Тот в воздух выстрел
Ответ и Лермонтова нет
И смотрим в высь мы

Кто то пишет в тишине
О тебе и обо мне
Что то пишет тишина
Но судьба предрешена

Тут вряд ли вы меня поймете
Ведь я в начале всех начал
Я замолчал на первой ноте
А на последней закричал
Но если даже и поймете
Я все равно на первой ноте
Все праведней и проповедней
На первой ноте как последней
Играть все нервней нервней нервней
И на последней как на первой

Эх вы издатели издатели
Ничтожества законодатели
Что ж вы Елену не издали
А только думали гадали
На том да и на этом свете
Пред Богом будете в ответе

Я иду дорогой млечной
По окрестности сердечной
Млечный путь на небе блещет
Сердце бедное трепещет
Сердце сжалось и разжалось
И в груди проснулась жалость
Вьется млечная змея
Где ты Лялечка моя
Космос звездами маня
Не обманывай меня
Не мани в ночные дали
Но верни улыбку Ляли
Все законы отмени
Только Лялечку верни

Всю жизнь боялся разбудить Лену
Чтоб не оборвать сновидений нить
Привычки вечны и неизменны
Пробуждаясь боюсь ее разбудить
Затаю дыхание не включу свет
Пробуждаюсь а рядышком Лены нет
Пустоту охватываю рукой
Чтоб не потревожить ее покой
Что там Наполеона плены
Когда поэтам в назидание
На острове Святой Елены
Всю жизнь мы провели в изгнании

На острове Святой Елены
Всю жизнь мы провели с Еленой
Но мы остались неизменны
Не низменны и неизменны

Вдруг стало ясно нам как никогда
Мы были вместе только навсегда
А друг без друга мы уже не мы
Мы друг без друга слепы и немые
Становится все четче все ясней
Самим собой я буду только с ней

Вечное издание
Что там Наполеона плены
Когда поэтам в назидание
На острове Святой Елены
Всю жизнь мы провели в изгнании
На острове Святой Елены
Всю жизнь мы провели с Еленой
Но мы остались неизменны
Не низменны и неизменны

Будь в этой жизни экстраверт или интроверт
Самого главного не избежишь
Смерть Лены это не только смерть
Жизнь Лены это вечная жизнь
Все что произошло произошло навсегда
Нет прошлого прошлое это бред
Жизни Лены я говорю Да
Смерти Лены я говорю Нет
Смерть Лены я не признаю и не признаю
Жизнь Лены это единственное что есть
Жизнь с Леной это любовь в Раю
Рай с Леной это не там а здесь

Этот мир для Ангела слишком мал
Для этой музыки мне не хватает слов
На ловлю Ангелов отправился птицелов
Но Ангелы не улавливаются в клетки
Поэтому Ангелы в мире редки

Я поймал Ангела или Ангел меня поймал
Этот мир для Ангела слишком мал
Прилетел Ангел такое бывает редко
Улетел Ангел распахнута мира клетка

Когда от нас Елена уходила
Она как солнце в небе заходила
Как хорошо что Богу подчиняется
Все что Еленой свыше сочиняется
На небе Бог а на земле Елена
Она как солнце в небе неизменна
Умолкла Лена говорят ее слова
Вступая во все-Ленские права
Ее стихи для нас как хлеб насущный
Я к ней причастен и единосущен
Страданья Лены больше чем страданья
Они лежат в основе мирозданья
Я знаю высший смысл ее ухода
Как смысл заката или смысл восхода
Ее слова все свыше вдохновенны
Я знаю смысл молчания Елены
Да будет с нами прах ее святой
И текст святой до каждой запятой
Бог отпустил нам все ее грехи
Молчит Елена говорят стихи
Ушло от нас любимое Созданье
Осталось с нами Вечное издание

Мы с тобою как игрек-зет
Я как Курбский беру Казань
Тамерлан идет на Козельск
А Батый сжигает Рязань
Все берут свои города
Вдруг отхлынула лет орда

Тлеют мертвые городища
В урнах теплые пепелища
Отыгались всех оргий игры
Мы с тобою как икс и игрек
Об одном лишь тебя молю
Не равняйся со мной нулю

Вот говорят антитела
Что за дела что за дела
Куда родное антитело
В какую вечность залетело
А я навеки залетел
Весь состою из антител
Влетело тело в антитело
И улетела улетело
О Господи что за дела
Кругом одни антитела

Поэзия отнюдь не дама
Поэзия есть каблограмма
Не остывающая магма
Моя поэтика Энигма
Попробуйте расшифровать
Раз шифра мать
Два шифровать
Нас так зашифровал Творец
Что расшифруешь и пипец
Поэт призвание не роль
Он сам стихов своих пароль
Поэтому не жми на шифт
Поэзия отнюдь не шифр
Вся как Луна необитальна
Поэзия не шифр а тайна

Помогай мне теперь помогай мне
Эту горечь допить из горла
Помогай мне всемирный альтигеймер
Чтоб забыл я что ты умерла
Забвения прошу забвения
Не более но и не менее
Не говорите что я жив когда умру
Забуду я про всю эту муру
Я честно жил и жизнью дорожил
Забвения я это заслужил

Смерть единственное событие
О котором хочу я забыть
Не событие а забытие
Только быть не хочу не быть
Но страшнее казни любой
Без тебя
Быть но только с тобой

На линии мировой
пол века мы были с тобой
Та линия мировая
уходит как рельсы трамвая
И если трамвай кольцевой
Увижусь с тобою живой
Мы вечно на линии вечной
Здесь нет остановки конечной
Но как этой встречи дожждаться
Чтоб снова не разрыдаться

Ничего мы от жизни не требовали
Нет проблем иметь не иметь
Я забыл что когда то нас не было
А ведь это и есть наша смерть

Я забыл и опять забуду
Мысли смешаны и слова
Ты была я с тобою буду
Если жив я то ты жива

В колоде карт одна есть масть
Страсть и любовь любовь и страсть
Играю в пьяницу в балду
Но все равно к тебе иду
Когда то мы впадали в транс
Когда играли в преферанс
Пускай все козыри не в масть
Но были в масть
Любовь и страсть

Душителю моей души
Все канули куда то в лету
Их не осталось ни души
Их не осталось и скелета
Теперь пиши иль не пиши
У них и не было души
Я с ними ведь не враждовал
Я им стихи свои давал
В надежде души возродить
Все может быть или не быть
Да я писал не для печати
И не было меня в печати
И ныне каждое печатие
Как непорочное зачатие
Все тексты были так непорочны
Но не порочны непорочны
Конечно каждая строка
Писалась не для дурака

Но в глубине любой строки
Кишмя кишели дураки
У всех у всех был высший интерес
Был Окуджава член КПСС
А кто то подавался в дессиденты
И получал большие дивиденды
Мне было некогда
Вернее никогда
Я им не говорил ни нет ни да
Когда гремели мертвыми скелетами
Те что хотели управлять поэтами
Скелет точил свой зуб и свой стилет
Скелет в России больше чем скелет
Я был конечно с ними невсебейн
Прости меня всевидящий Гольбейн
Но этот шабаш пляшущих скелетов
Не волновал пророков и поэтов
Поэт в России больше чем Россия
Он сам себе Спаситель сам Мессия
Поэт воскрес
Воистину воскрес
Поэт воскрес
И нет КПСС

За все тебе я благодарен
За жизнь и за твою любовь
Рай гениален ад бездарен
Смерть графомания богов
За все тебе я благодарен
Но благодарность столь мала
Творцом нам этот мир подарен
И жизнь подарена была
Как хорошо что жизнь с тобою
Была дарована судьбою

Я знаю для чего я жил
Творец свой замысел вложил
И разделил на два создания
Чтобы продлилось мирозданье
Чтоб строились дворцы словесные
И воплощались сны небесные
Чтоб в перспективе бесконечной
Душа сияла в бездне млечной
Чтоб мы с тобой не разлучились
Но в небе звездами лучились
Лучись лучись сияй сияй
И мне как в жизни доверяй
Среди земных и звездных ню
Ни в чем тебе не изменю
Пусть мир как прежде переменен
Я неизменен неизменен
Мне без тебя не до измен
В китайской Книге перемен
Мне непременно надо быть
Всю жизнь всю смерть тебя любить
Жизнь после смерти ерунда
Любовь бессмертна навсегда
В твоей сияющей харизме
Любовь намного дольше жизни

Не стремлюсь я к пониманию
Но надеюсь на внимание
Внемлют голосу сердца
Внемлют сердцу голоса
Так к чему же я стремлюсь
Да к тому чего боюсь
Вдруг они меня поймут
И навеки проклянут

Я пою пою пою
Внемлет роща соловью
Внемлет роще соловей
И становится живей
Шелестят листвою леса
Оживают голоса
Я уже не оживаю
Я как рана заживаю

Если если если
Мертвые воскресли
Но не воскресают
Где то зависают
Ты во мне не умерла
Просто в сердце замерла

О Лялечка
Судьбою окрыленный
Я остаюсь во всем в тебя влюбленный
Бескрылой смерти я не доверяю
Одной любви к тебе себя вверяю
Господь художник рисовал твой лик
В котором гениален каждый блик
Что Леонардо со своим sfumato
Сиянье излучает каждый атом
И даже эти складочки страдания
Что извергают из груди рыдания
Все гениально ты любви икона
Я открыватель этого закона
Поэтому пишу стихотворенье
ТВОРЕЦ НЕ МОЖЕТ ОТМЕНИТЬ ТВОРЕНИЕ
Ты воплощенный Ангел красоты
На этот мир зриаешь с высоты

Ты и при жизни с высоты взирала
И мне во всем как Богу доверяла
И я тебе доверился как мог
Поскольку мне доверился мой Бог
За все во всем ты Богу благодарна
Ты сверходарена
А смерть бездарна

О Лене сказано очень мало
А Лена многое понимала
Понимала лучше чем те
 чьи имена звенят но
Изъяснялись путано и невнятно
Лена ухмыльнется и скажет – Право
КРАСИВЫЕ ВСЕГДА ПРАВЫ –
Лена ушла от подножия славы
Красивые всегда правы
Есть на то воля Божия
Уходить от славы подножия

Бетховен Бетховен Бетховен
Зачем ты такой же Бетховен
А Моцарт ах Моцарт. Ах Моцарт
Зачем ты по прежнему Моцарт
Зачем не оконченный Шуберт
Зачем переконченный Бах
И Гумберт набоковский Гумберт
С Лолитой своей на руках

Я совсем не ведаю
Что я проповедаю
Разомкнув уста
Я люблю Христа
В этом странном мире
Мы живем как в тире

Все стремимся к цели
Вечно на прицеле
Все стремимся к цели но
Все на нас нацелено
На всемирном айлавью
Я волну твою ловлю
Шлю в миры иные
Эти позывные
Пусть играет лира
Из другого мира
Слышишь ор Орфея
Солнечная фея
Но молчанье дико
Где ты Эвридика
Говорю себе проснись
Сердцем разума коснись
Над всеми звездами простертые
Миры роятся предо мной
Я не с живыми и не с мертвыми
Я до конца миров с тобой

А вы еще не прочитали
Мои последние стихи
Так значит вы не трепетали
От каждой трепетной строки
Так значит вы не побывали
В моем Раю где мы пол века
Друг друга жадно целовали
Два сверхсчастливых человека

Бесконечность это любовь
Которая прячется в сердце
Дрожит как котенок
Свернувшись в клубочек

Не подозревая
 о своей бесконечности в глубину
Любовь это больше чем жизнь
Она ничего не знает о смерти
И никогда не узнает
Пока я жив

С Леной в океане купался на Брайтон Бич
Лена купалась в океане океан ее обнимал
К океану я ревновал
Лену обнимал целовал
Я вхожу в океанскую пену
— Океан отдай мне Елену—
Но молчит океан
И летит мой клич
В океане чаек над Брайтон Бич

Меня не видел соцреализм
И не замечает постмодернизм
Со всеми концептами и соцартами
Я не нужен акционистам
И прочим истам
Выходит мной всю жизнь
 интересовалась только Лубянка
А любила меня только Лена
И я любил только Лену
Но это так много
Что в этом океане утонули
 и соцреализм и постмодернизм
И акционизм
И актуальное искусство
На плаву осталась только метаметафора
В которой как в лодочке
 мы плывем с Еленой по океану
Только в глубину

Если бы Бога не было
Я молился бы пустоте
— Пустота верни мне Елену —
И ничего бы не ответила пустота
А я бы все равно молился -
Верни Елену —

Вот еще один непонятый коан
Над всемирной бездной зависание
Брошусь как бутылка в океан
Кто-нибудь прочтет сие послание
Может быть меня уже прочли
И опять в морскую бездну бросили
Бездна дня ли бездна ночи ли
Посреди весны в середине осени
Как дитя плененное в Беслане я
В школе вечно длящийся урок
Кто-нибудь прочтет сие послание
И поймет что говорил пророк

Любя друг друга мы совсем забыли
Что есть на свете вечная разлука
Забыли мы так счастливы мы были
И не страшила нас любая мука
Теперь когда свершилось неизбежное
Напрасно я пытаюсь все понять
Все самое любимое и нежное
Вдруг довелось внезапно потерять
Ах Боже мой зачем мне довелось
Свою любовь при жизни пережить
Тебя утешит Будда и Христос
Ты умерла а я остался жить

Светлый май без тебя не светел
Я один средь своих картин
На фейсбуке я незаметен
А кругом сплошной карантин
Я любил тебя больше жизни
И сейчас больше жизни люблю
Ты теперь в небесной отчизне
Я не бодрствую и не сплю
Я зову тебя днем и ночью
Я люблю тебя как себя
Я не знаю чего ты хочешь
Знаю только умру любя

Не зови меня в бессмертье
Там мне холодно и сиро
Ну а здесь а здесь поверьте мне
Весь уют земли и мира
В космосе моем уютно
В космосе моем светло
Здесь с тобой нашли приют мы
Быстро врем я протекло
Да пожалуй слишком быстро
Вдруг разверзлась эта бездна
Я в тебя как в мир влюбился
Но куда же ты исчезла

Ночная карета
В тени заката в угасшем свете
Она умчалась в ночной карете
В ночной карете в ночной карете
Умчались с нею созвучья эти
Созвучья эти созвучья эти
За ней умчались в ночной карете

Подбрось меня карета созвучий
В ночное солнце в дневные тучи
В закат восхода в восход заката
На выход входа
Где нет возврата
Где нет заката и нет рассвета
Умчи меня ночная карета
Когда забудутся строки эти
Уедем вместе в ночной карете

Учусь любить тебя заочно
А это трудно очень трудно
Люблю тебя и днем и ночью
Люблю надзвездно и надлунно
Люблю повсюду повседневно
Всем существом несчастным любящим
Известным мне и неизвестным
Люблю всем прошлым и всем будущим
Учусь любить тебя заочно
Заоблачно и денноночно
Сверхтеорему я решаю
И сердцем в сердце воскрешаю
Зачем то ты ушла досрочно
Как рыба в неводе мечусь
Учусь любить тебя заочно
Но никогда не научусь

Где ты милый друг сердешный
В космосе во тьме кромешной
Как тебе там без меня
Быть свой облик изменя
Ты как солнце в облаке
Светишь в новом облике

С тобою шли по бездорожью
В египетскую тьму безбожью
Пол века рядом рука в руку
Подвластны только небозвуку
Без рук твоих я как без рук
Остался только Небозвук

Не к чему мне теперь ночи звездны
Если ты не придешь из бездны
Я взываю к тебе взываю
Я взываю и завываю
Хоть на миг из бездны явись
Хоть на миг на зов отзовись
Никого ничего не вижу
Лишь свиданье с тобой предвижу
Отзовись на мое рыданье
Подари мне хоть одно свидание

Может и вправду из космоса выйдешь
Сердцем заполнив вселенскую нишу
Леночка ты меня слышишь и видишь
Лялечка я тебя вижу и слышу
Я ведь нашел тебя в этой вселенной
Ты во вселенной и я во вселенной
Знаешь сама ты была незабвенной
Ты и останешься незабвенной
Словно корабль в океане без кормчего
Я погрузился в пучину отчаянья
Кажется мне что вся жизнь моя кончена
Мы не отчалили и не причалили
Может на миг я тебя позабуду
Чтобы смириться с проклятой судьбой
Лялечка Ляля я больше не буду
Только с тобой я могу быть собой

В нагромождении идей
Я знаю нелеципреятно
Мы входим в мир через людей
А вот уходим непонятно
Уходим оставляя плоть
Как бабочки покинув кокон
Незримой бабочки полет
Невидим так от нас далек он
Да эта бабочка Душа
Преобразилось тело в волны
И улетело неспеша
Не знаю вольно иль невольно
Но нам оставшимся так трудно
Смирится с тем что улетело
То что восстанет в гласе трубнем
Любимое родное тело
Не в силах вынести разлуку
Над милым коконом рыдаем
Заламываем к небу руки
И новой встречи ожидаем
Незримой бабочки полет
Распространится по вселенной
Душа рыдает и поет
О бесеонечности мгновенной

Кто-то пишет наши судьбы
Недрожашею рукой
Ну а судьбы кто а судьбы
Всех отправят на покой
Все прошедшее минуло
Я по кладбищу брожу
Снова Леночка уснула
Я ее не разбужу

Я ее не потревожу
Будет новое рожденье
Боже Боже Боже
Пусть поспит до пробужденья

Я готов на любое служенье
Чтобы ожил твой огненный прах
Подари мне твое отраженье
Что осталось во всех зеркалах
Подари мне твой ангельский голос
Все низы его все верхи
Твои ангельские глаголы
Ангелические стихи
Пусть останется райское пение
Отголоском во всех моих снах
Но терпение друг мой терпение
Я с тобой во всех временах

Оказывается в поэзии нет смерти
Вы уж пожалуйста мне поверьте
Улечу останется в небе след
В ПОЭЗИИ СМЕРТИ НЕТ
Кто расстрелян **КРАСНЫМИ** как Гумилев
Кто погиб в **ГУЛАГе** как Мандельштам
Лев в себя стреляет издавший **ЛЕФ**
Маяковский тут Маяковский там
Кто в петле болтается как Цветаева
Мертв поэт и что нам цвета его
Красный или белый один ответ
Знаю я в поэзии смерти нет

Мне уже не хочется рыдати
В Крым был сослан плачущий Овидий
В синефиолетовом квадрате
Я тебя узрел но не увидел

Что Малевич умница в квадрате
Что Набоков в девочке Лолите
Ну зачем зачем нам умирати
Я спрошу на русском и санскрите
Впрочем я санскрит почти невеси
Я ведь выучил его наспор
ТАТ ТВАМ АСИ значит ТО ТЫ ЕСИ
Я Ты ЕСИ

Помню до сих пор
На санскрите не говорите
Но в Израиле Феликс Гринберг
Тот с кем спорил я о санскрите
Переводит меня на иврит

Что толку что я всем внимаю
Всех вас по своему любя
Я никого не понимаю
Не понимаю и себя
Мне надоело понимать
Из тела душу вынимать
Душа моя давно с тобой
Давно ей в этом мире тесно
Живу с тобой одной тобой
Но только где ты неизвестно

Мы с тобой зеркальные шары
В каждом отражаются миры
И во всех сияющих шарах
Вместе мы в сияющих мирах
И хотя мы вовсе не шары
В каждом отражаются миры
Ты во мне зеркально отражаешься
И как небо вечно продолжаешься

Да и что такое отраженье
Это мы и наше продолженье
Наше продолженье и повсюду
Где ты будешь я с тобою буду

Звездный свет сияет ночами
Я привязан к тебе лучами
Я привязан к тебе привязан
Я с тобою лучами связан
Я твой лучник
Твой неразлучник
Неозвученый света звучник
И до самых далеких звезд
Путь к тебе далеко не прост
Данте шлялся меж раем адом
А была так недавно рядом
Ну а мне ни Рая ни ада
Ничего без тебя не надо

О моя поэзия всемирная
Много много много многолирная
О моя поэзия прекрасная
Много много много многострастная
Я твое всемирное изгнание
Не отдам на злое поругание
Нас изгнали из себя изгнали
Мы в финале словно в криминале
Всюду только нал и криминал
Только это вовсе не финал
Ты поэзия как кремниевый нож
Рассекаешь пошлости и ложь
Ты поэзия как кремниевый диск
Сохранишься ты и сохранишь
Ты нагая и поэт нагой
Друг из друга высекли огонь

Что там в зеркале
Комната где я с тобой
Что там в комнате
Зеркало где мы с тобою
Я с тобой
и не страшен мне призрак любой
Я с тобой навсегда и останусь с тобою
Неожиданно к зеркалу я подхожу
Почему же тебя в нем я не нахожу
Что там в зеркале
Я выхожу из себя
Что там в зеркале
В зеркале я без тебя
Без тебя без тебя без тебя без тебя
Я не вижу себя и не вижу тебя
Что там в зеркале в зеркале
В зеркале ложь
Ты меня не тревожь и себя не тревожь
Не хочу отражаться
Мы оба незримы
Оба вместе невидимы
Вместе любимы
В отражении утоплены сонмы миров
Что там в зеркале
В зеркале только любовь

Со мной исчезнет память о тебе
С тобой исчезнет память обо мне
Я рад что оба вместе мы исчезнем
Из че из нем изнемогаю
Себе исчезнуть помогаю
Уйдем уйдем уйдем вдвоем
Вдвоем вдвоем вдвоем уйдем

Я в космосе живу альтернативном
Где смерти нет не было вовек
Не требуйте чтоб был я объективным
Ведь я не объектив я человек

Как лев немейский я немею
И даже думать не умею
Но так уж вышло по судьбе
Пишу тебе и о тебе

Сияет в небе Света Тора
Она не ведает повтора
Один и тот же Света Текст
Но каждый год другой подтекст
А на земле и звезд не надо
Когда встречаются два взгляда

Не за совесть конечно за страх
На Донском похоронен твой прах
На Донском на Донском на Донском
В горле ком в горле ком в горле ком
Уходя ты не ведала страху
Не скажу я мир милому праху
Хоть весь мир мне отныне не мил
Праху мир праху мир праху мир

Быть королем скучнейшее занятие
Гораздо лучше королем не быть
Нырнуть в твои горячие объятия
Нырнуть навек и обо всем забыть
В объятиях забудем обо всем
В объятиях друг друга вознесем
Конечно нам от смерти нет спасения
Но нам дано взаимовознесение

От смерти мы с тобою не спаслись
Но мы вдвоем на небо вознеслись
Мне без тебя существовать нельзя
Ты для меня и Небо и Земля
Я жил любя и ты жила любя
Теперь земля и небо без тебя

Мое сердце не знает что ты умерла
Мое сердце не ведает что за дела
Мое сердце тоскует по ласке твоей
Мое сердце со мной и конечно же с ней

Красота для меня. Это ты
Я поклонник твоей красоты
Ты ушла навсегда в неземные места
Но со мною осталась твоя красота

Без тебя мне и небо и звезды не милы
Научи меня жить без тебя в этом мире
Имитировать жизнь там
 где жизнь невозможна
Научи научи если это возможно
Ты умела решать не такие задачи
Научи меня видишь я даже не плачу
Я учусь я учусь без тебя быть с тобой
Если ты не жива то и я не живой
Если ты умерла значит все бесполезно
Если ты умерла значит небо беззвездно
Над сияющей бездной шепчу я слова
Бездна ты не беззвездна
И Лена жива
Значит Лена жива

Все словесно
Полновесно
Бессловесное телесно
Но хранит твоё молчанье
Полновесное звучанье
Мы с тобою неразлучны
Потому что не беззвучны
Мы с тобою не беззвучны
Потому что небом звучны
Пусть хранит твоё молчанье
Небонебное звучание
И стихи твои небесные
Но телеснополновесные

Так значит смерть не может разлучить
Единственное может - замочить
Смерть уголовница вершит свою мокруху
Любовь принадлежит Святому Духу
Понятно что судьба не раз нас кинет
Но Дух Святой вовеки не покинет
Душа к тебе невидимой стремится
Как жалко мне что Лялечка не снится
Невидима Душа и орбитальна
Я знаю это тайна. Это тайна
Я знаю эти тайны эти тайны
И жизнь и смерть конечно орбитальны

Тебя здесь нет и это очевидно
Здесь нет тебя и это так обидно
Я обижаюсь на себя что жив
К твоим ногам поэзию сложив

Жить надо дольше чем живешь
Иначе это будет ложь

Неважно кто когда возник
Мы жили вечно каждый миг
О сколько бесконечности
От вечности до вечности

Концерт без слушателей в зале
Транслируется онлайн
О как же хорошо играли
Играла ты и я играй
Да мы с тобой всю жизнь играли
Концерт без слушателей в зале

Мы с тобою друг друга любя
Ненавидели пошлость и зло
Это солнце взошло без тебя
Но зачем это солнце взошло
Это солнце взошло без тебя
Чтоб увидели все пустоту
Смерть подкралась к нам радость губя
И мечта превратилась в мечту

Мы с тобою оба жили вечно
Много много много лет подряд
Каждое мгновенье бесконечно
Но конечен бесконечный ряд
Бесконечный ряд всегда конечен
Нам об этом Кантор говорит
Потому с тобою я был вечен
А теперь реву реву навзрыд

Я не стану не стану не стану
Поклонятся с Изольдой Тристану
Смерть ты меч что лежит между нами
Страсть любви как волна цунами

В высь взметнет нас в глубь погружая
Жизнь и смерть друг с другом сближая
Не Изольда и не Тристан
А в объятьях любимый стан
Рок энд рол отнюдь не чарльстон
А исторгнутый в небо стон
Что такое меж нами меч
Обоюдоострая речь
Не работаю над собой
А судьбу взметаю судьбой
Отвергаю все что не она
А она всей жизни глубина

Что это значит карантин
А я то и не знал кретин
Живя в своей квартире
Всю жизнь на карантине

Как страшно жить без космологии
Кругом сплошные патологии
Все патологии инертны
А космология бессмертна

Круги расходясь по воде
Находятся здесь
И нигде
А ты как круги на
воде
Находишься
Здесь и везде

А вы еще не прочитали
Мои последние стихи
Так значит вы не трепетали
От каждой трепетной строки

Так значит вы не побывали
В моем Раю где мы пол века
Друг друга жадно целовали
Два сверхсчастливых человека

Как будто и не было Бога
Как будто бы я не любил
Как будто мы жили без бога
Но я то ведь знаю Он был

Бетховен Бетховен Бетховен
Зачем ты такой же Бетховен
А Моцарт ах Моцарт. Ах Моцарт
Зачем ты по прежнему Моцарт
Зачем неоконченный Шуберт
Зачем переконченный Бах
И Гумберт набоковский Гумберт
С Лолитой своей на руках

Преодолевая в сердце грусть
Иногда я думаю ко сну
Может я засну и не проснусь
Может я проснусь и не умру
Даблю даблю даблю точка ру
Даблю даблю даблю не ум ру
Www.ru
Www.не ум.ру

Вослед за читаемым текстом
Читающий тексты поэт
Уходит читаемый текстом
Которого в принципе нет
Нет текста но он то читает
И даже дает толкованье

Ее стихи словесные дворцы
Алмазноизумрудные кристаллы
Читайте их читайте их творцы
Без устали чтоб души не устали
Она не Ева не Мария Дева
Она дворцов словесных королева
Всегда возле компьютера на троне
В кудрявой и сияющей короне

Сказал Бетховен — Люди братья —
Раскинув музыки объятья
Он всех прижал к своей груди
Гряди в грядущее гряди

Вечные любви рассадники
Небеса у нас в крови
Мы поэты небосантники
И бессмертники любви
В небе звездный наш улов
Экстоинтровертный
Нет бессмертья — есть любовь
А любовь бессмертна

Сегодня вся цивилизация
Уткнулась вдруг в один забор
Для глупых самоизоляция
Для понимающих затвор
Конечно вирус это горе
Но что поделать селяви
А я всю жизнь провел в затворе
И ты в затворе поживи
Все понедельники и вторники
Поэты вечные затворники
Все среды четверги и пятницы
Поэты в интернете прячутся

Но в дни пасхальные весенние
Все воскресают в воскресенье
Все жаждут приобщится к Раю
От перегрузок зависая
Я воскресаю умирая
И умираю воскресаю

Зачем роялю тишина
Чтоб в ней звучал рояль
А мне была любовь дана
Чтоб я тебя обнял
Я обнимаю тишину
Она уходит в вышину
Она уходит и звучит
Но почему рояль молчит

Покинув оболочку тела
Душа как бабочка взлетела
Но без телесной оболочки
Ты воплотилась в каждой строчке
Земную жизнь предпочитаю
Что делать я тебя читаю
Тебя любил я как читал
И целовать предпочитал
Я и теперь люблю люблю читаю
Но целовать предпочитаю

Как будто и не было Бога
Как будто бы я не любил
Как будто мы жили без Бога
Но я то ведь знаю Он был

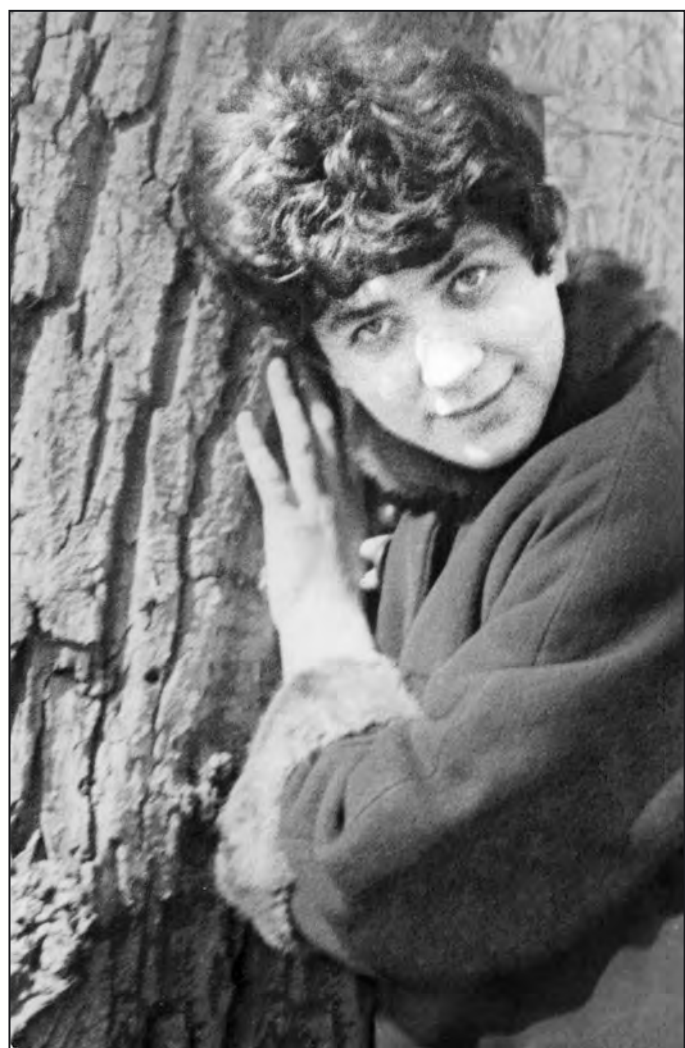
Но я то ведь знаю Он будет
Пребудет во Веги веков
Стихи Его мертвых разбудят
Всех юношей и стариков
За что нас с тобой разлучили
Глупейший вопрос и ответ
Лучами Ее облучили
Ее источавшую свет
Словами стихами делами
Лучилась она Бетельгейзе
Теперь Она только над нами
Сияет взорвавшийся гейзер
Взорвалась звезда Бетельгейзе
Погасла святая герла
На небе как солнце воскресла
А здесь на земле умерла

Что делать делать нечего
Один во всей вселенной
Теперь с утра до вечера
Я буду славить Лену
Теперь с утра до вечера
Я буду вспоминать
Что делать делать нечего
Но надо понимать
Да это выше разума
Любовь на расстоянии
Люблю голубоглазую
При вечном расставании
Мы Космосом обвенчаны
И я не прекословлю
Все расстояние вечное
Заполнено любовью

Теперь я буду жить для Лены
Для Лены будут эти стены
Окно распахнутое в высь
Все чувства для нее и мысль
Я заглушил свои рыдания
Елена заново рождается
Поэма «Вечное издание»
Закончена но продолжается
Ты не замечай что я рыдаю
Неизбежность встречи подтверждаю

Глас осьмый

Расстояние
между Звездами
заполняют Люди

Константин Кедров-Челищев.
Словотворный памятник Елене Кацюбе

После Лены

День и ночь я шепчу устало
Красота которой не стало
Красота которой не стало
Красотой быть не перестала
Красота мой Ангел хранитель
Я Ее красоты хранитель
Я любитель и я ласкатель
Я хранитель и собиратель
День и ночь я шепчу устало
Красота живого кристалла
Даже сомкнуто шепчут губы
Красота Елена Кацюба
Ты всех волн ажурная пена
Афродита волна Елена
Пусть волна о брег разобьется
И Елена в наш мир вернется

Ты вернулась в день нашей встречи
На волнах сияющей речи
Откатилась волна а море
Затаилось в своем атоге
Ты теперь волна не частица
Как теперь к тебе причаститься

Ты теперь всех хоров хористее
В поэтической Ев_хористие

Продолжаю сердца окрыление
Продолжаю линию любви
Не остановись и не мгновение
А живи живи живи
Оставайся в звуках и фонемах
Храм словесный но не на крови
Говорящей и поющей немо
Вслух и молча только о любви
Как живой кристалл стиха таинственный
Вся из граней бытылинебыть
Ты не перестанешь быть единственной
Ты вообще не перестанешь быть

Вся жизнь напоминанье про нее
Зачем-то нас из праха возродила
Вот небо мы смотрели на него
А вот земля ведь ты по ней ходила
Вся жизнь одно свидание с тобой
С тобой с тобой
Дарованной судьбой
Я вспоминаю был я человек
С тобой с тобой дарованной навек

В храме Пушкина и Вяземского
Отпевали поэтессу
Многое над гробом сказано
Сказано светло и веско
Над отпетой отпето
Слава вышняя поэта
Во благих и во благия
Совершалась Литургия

Отдавалось целование
Совершалось Отпевание
Той которая ВСЁ пела
Оказалось ЭТО ДЕЛО

Еще мне над гробом рыдать и рыдать
От неба до гроба рукою подать
От неба до гроба от гроба до неба
Творится небесная Божия Треба

Может и меня на свете нет
Я живу проекцией себя
В мире где семь бед один ответ
Страждущий и любящий тебя
Звезды посылающие свет
Умерли и это так интимно
Может быть и мира в мире нет
Впрочем это всё не объективно

Всё может стать может стать
Но мне с тобою не расстаться
Пусть весь мир о нас забудет
Тебя не будет и меня не будет

За столько лет я так и не успел
Сказать слова которых ты достойна
Ты только пела я с тобою пел
Новопреставленная ты новопрестольна
Но я успел прощаясь и любя
Шепнуть тебе пусть это вечно длится
Чтобы увидеть и любить тебя
Мне стоило здесь жить и здесь родиться
Ты улыбнулась и уже сквозь грусть
Промолвила как будто возродилась:

Пожалуй так я вправду возгоржусь
Уже пожалуй даже возгордилась —
Вот исповедь навеки разлученных
На жизнь и смерть судьбою обреченных
Твой полусшепот вряд ли опишу
Я им дышу поэтому пишу

Сколько лет вы еще проживете
Я желаю подольше вам жить
Пусть он так и лежит томик Гете
Ты его не успела раскрыть
Ты еще ничего не успела
И ушла ничего не успев
Ты всё пела
А это ведь дело
Дело жизни и главный успех
Ты всё пела
О как же ты пела
Вызывая сердечную дрожь
Ты конечно допеть не успела
И доныне всё так же поешь

На всё я уже не отвечу
Вся жизнь пополам раскололась
Я может уже не замечу
Как в горлышке прячется голос
Теперь я другое увидел
Как вырвался голос из горла
Молчите Гомер и Овидий
Я вижу как вылетел голос
На небе он звездами вышит
И я никого не обижу
Другие его только слышат
А я его слышу и вижу

Откуда откуда оттуда
Звучат эти звездные были
Всё небо закрывшие кудри
Сквозь небо глаза голубые

Что там термины научные
Есть глаголы беспредельные
Мы с тобой единосущные
и конечно нераздельные
Припадаю на колени
Всеми тяжкими веригами
Верую в любовь к Елене
Вот и вся моя религия
Не подвластен я иному
Всё теперь неполновесное
Бог простит что по земному
Я любил Ее Небесную

Я знаю точно знаю наперед
Пока я жив Елена не умрет
Пока я жив не умерла Елена
В любви в поэзии не существует тлена

Жить с Ангелом совсем не просто
То крылышко помнешь то ранишь словом
Но с Ангелом я прожил до погоста
Мы жили под одним небесным кровом
Теперь Ему каноны тропари
акафисты молебны песнопенья
Пари мой Ангел трепетный пари
Я слышу твоё ангельское пенье

Поверить трудно что тебя не будет
Меня твоё дыхание не разбудет

Твое дыханье и мое дыханье
Двух парусов упругих колыханье
Под этим ветром плыли мы полвека
Мы были два влюбленных человека
Таков удел двоих он с нами стался
Ты умерла в любви а я в любви остался
Над нами парус бесконечный веет
Я знаю что любовь не устареет
Миры исчезнут сокрушатся грады
Любовь останется и мы с тобою рады
Среди могил надгробий и гробов
И жизнь и смерть переживет любовь

Не для себя я продолжаю жить
А чтобы стих про Леночку сложить
Сложить сложить сложить
Служить служить служить служить
Я слышу даже в щебетанье птичьем
Прощанье Данте с дивной Беатриче
Но музыка всех сфер моей вселенной
Заполнено сиянием Елены
Сияй вселенная вселенная сияй
Сия Елена музыка сия

Всё завершилось неожиданно
Так неожиданно и странно
Всё видимое вновь невидимо
Всё как туман Моне туманно
Всё неправдоподобно подлинно
Всё слишком подлинно чтоб было
Как будто вышли все на подиум
А зрителей волною смыло
Я понял смерть волна цунами
Она и с нами и не с нами

Незримая волна цунами
Она навеянная снами

В то что возможна смерть
 не верил никогда

И в час когда она свершилась
Я понял Лялечка что ты была всегда
Ушла вовсе а жизнь не завершилась
Пока она продолжится во мне
И облачком растает в вышине
Все тексты не закончены и мысли
таятся в переполненных созвездиях
Меня к своим секретарям причисли
В комиссию по творческим наследиям
Наследник я наследник твой наследник
Бессмертия Елены проповедник
Чтобы толпа стихи твои орала
А я горел как твой Савонарола
Костер из слов в тебе не уместился
И пламенем на небо возносился
Сказала честно: МЫ СЫНЫ ОГНЯ –
Себя в виду имея и меня
Костер из нас горел немного косо
Сияя нервным пламенем ДООСа

Да будет мир и благодать
На всех кому дано рыдать
Да обнажится бездны дно
Кому рыдание дано
А что такое небо звезд
Лишь океан из наших слез
Кораблик тонущий в тумане
Колумб плывущий в океане
Ну хватит всех собой печалить
Пора уже к Тебе причалить

Не верю я и ты не верь
Что мы не встретимся теперь
Там в космос приоткрыта дверь
Проверь проверь проверь проверь
Проснись проснись проснись проснись
И в небо с неба оглянись

Помимо всех поминовений
Я помню тысячи мгновений
Где всё любовью объято
И каждое мгновенье свято
Да что там Фауст с Маргаритой
Когда огонь любви горит мой
Неугасающей лампадой
Мой жесткий рок любви с ламбадой
Неопалимый как Палама
Неугасаемое пламя

Еленомыслие мой образ мысли
Еленочувствие
Моя печаль
Тебя в душе я к Ангелам причислил
Отчаянье и чаянье отчайнь
Еленобожие в поэзии моей
Мне сам Господь велел любить Елену
И жизнь и смерть возможны только с ней
Моя Елена не подвластна тлену
Мой поцелуй в разверстые уста
К губам Елены
И к стопам Христа

О Боже расставанье с Леной
Прощание со всей вселенной
Со всей вселенною прощаюсь
И только к Лене обращаюсь

Я знаю что не обратимо
Всё что могилой поглотимо
И со слезами на колене
Я обращаюсь только к Лене
Прими от юности влюбленной
Мой стих коленопреклоненный
Прими от необъятной страсти
Мой стих разорванный на части
Не ведаю где верх где низ
Растерзанный как Дионис
Один один во тьме бездонной
Сир как Осирис расчлененный
О как же мне сегодня дико
Моя Елена-Эвредика
Ты перекрывшая ор фей
Я вой я твой я твой Орфей

Мысленно уже стою у гроба
Где тебя опутывает мгла
Знаю я тебя убила злоба
Слишком к людям ты была добра

Слишком ты была для них красива
Слишком гениальна и умна
От стихов твоих исходит сила
В каждом слове мысли глубина

С Ангелом любви прожив полвека
Я всю жизнь понять его хотел
Ангел оказался человеком
Словно Ангел взял и улетел

Разве можно быть такой любимой
Разве можно было так любить

Быть такой во всём непобедимой
Даже смерть любовью победить

Смерть не смогла пожрать мою любовь
Люблю тебя как будто ты жива
Твоя поэзия вот мой молитвослов
Молитвослов где главные слова

Пока я жив любовь сильнее смерти
Пусть смерти нет запас исчерпан слов
Снимите мерку рост мой смерьте
Когда умру останется любовь

Ты умерла а я еще не умер
Мой разум не вмещает
Эту грусть
Грусть по тебе переполняет ум мой
Ум деревенеет от избытка чувств

Не может быть чтоб ты и впрямь исчезла
Как облачко истаяв в вышине
Так электричеству молился Тесла
В тебе я умер ты жива во мне

Вот еще одна звезда сгорела
Грела грела и
перегорела
Натяну потуже одеяло
А ведь как светила как сияла

Но и через тыщу лет ее сияние
Будут видеть все на расстоянии

Звездный свет сияет ночами
Я привязан к тебе лучами
Я привязан к тебе привязан
Я с тобою лучами связан
Я твой лучник
Твой неразлучник
Неозвученный света звучник
И до самых далеких звезд
Путь к тебе далеко не прост
Данте шлялся меж раем адом
А была так недавно рядом
Ну а мне ни Рая ни ада
Ничего без тебя не надо

Я звал тебя но ты не отзывалась
Пускай не вижу милого лица
Та пустота что вдруг образовалась
Заполнена тобою до конца
Я привыкаю к жизни с пустотой
Наполненной сияющей святой
Я даже разговариваю с ней
Как жаль что не приходишь ты во сне
Усну усну и больше не проснусь
Когда с тобой во сне соприкоснусь

Следить бы надо за собой
Я и слежу хоть дни умчались
Встречаюсь текстами с тобой
Так и при жизни мы встречались
Ты за компьютером всю ночь
Я на диване ганашу
И день и ночь и сутки прочь
Я и сейчас тебе пишу

О моя поэзия всемирная
Много много много многолирная
О моя поэзия прекрасная
Много много много многострастная

Я твое всемирное изгнание
Не отдам на злое поругание
Нас изгнали из себя изгнали
Мы в финале словно в криминале

Всюду только нал и криминал
Только это вовсе не финал
Ты поэзия как кремниевый нож
Рассекаешь пошлости и ложь

Ты поэзия как кремниевый диск
Сохранишься ты и сохранишь
Ты нагая и поэт нагой
Друг из друга высекли огонь

Ах почему душа так пламенна
Когда вокруг всё твердокаменно
Я пламенею пламенею
И в бессловесности немею
На небе где ни ангелов ни птиц
Лишь рокировка тел в турнире блиц
Я в шахматы небесные играю
То умираю то не умираю
Сказать по-честному то плачу то не плачу
Решая очень трудную задачу
В той теореме быть или не быть
Я не смогу другую полюбить
Я отвергаю этой жизни схему
Я облачаюсь в небо словно в схиму

Я схимник неба к миру не причастен
Я безучастен и не безучастен
Ну что тебе еще парнишка треба
Мне ничего я просто схимник неба

О нет не в ахиллесову пяту
Сегодня смерть убила красоту
Десятилетия она ее терпела
А красота она так нежно пела
И дальше я гляжу и ближе
О Боже я тебя не вижу
Смерть красоты оплакивал народ
Ее убили а она поет

Вот истина она давно открыта
Душа она как девочка Lolita
То припадет то прыгнет на колени
Моя душа принадлежит Елене
Она теперь в словах ей посвященных
В грехах прощенных или не прощенных
Душа она теперь то слышима то видима
Обидима она и необидима
Я знаю что душа нематерьяльна
И потому особенно реальна
И я уже признанья не нарушу
Учусь любить ее родную душу

Что сказать мне
Смерть такое дело
Но осталось очень много дел
Ты покинула земное тело
Но остался сонм небесных тел
Кружатся слова твои как души
Заполняя зрение и слух
Если бы жила ты было б лучше

Ну а я живу за нас за двух
Учусь любить тебя заочно
Там за пределами очей
Звезда сияющая ночью
И ты ничья и я ничей
Учусь любить тебя энмерно
Не видя и не осязая
О ноосфервная Минерва
Моя сияющая зая
Учись любить учусь любить
Иначе нам с тобой не быть
Но без тебя как без себя
Живу любя умру любя

От этой истины святой
Мне не уйти она открыта
Жизнь не бывает прожитой
Бывает только недожитой

Опять мы с Лялечкой навек соприкоснулись
Соприкоснулись но ведь не проснулись
Но как корабль вдруг выйдя из глубин
Проснулся я проснулся я один

Не восходил я с Леной на Памир
Взошел на Чатыр-Даг звенела лира
Однажды на меня обрушился весь мир
Разбился мир и я теперь без мира

С твоего последнего мгновения
До момента где еще нас нет
Я иду в обратном направлении
За тобою следуя след в след

Всё словесно
 Полновесно
 Бессловесное телесно
 Но хранит твоё молчанье
 Полновесное звучанье
 Мы с тобою неразлучны
 Потому что не беззвучны
 Мы с тобою не беззвучны
 Потому что небом звучны
 Пусть хранит твоё молчанье
 Небонебное звучание
 И стихи твои небесные
 Но телеснополновесные

Без тебя мне и небо и звезды не милы
Научи меня жить без тебя в этом мире
Имитировать жизнь там

где жизнь невозможна

Научи научи если это возможно
 Ты умела решать не такие задачи
 Научи меня видишь я даже не плачу
 Я учусь я учусь без тебя быть с тобой
 Если ты не жива то и я не живой
 Если ты умерла значит всё бесполезно
 Если ты умерла значит небо беззвездно
 Над сияющей бездной шепчу я слова
 Бездна ты не беззвездна
 И Лена жива
 Значит Лена жива

Вместо послесловия

Общие наблюдения над характерными чертами поэзии Елены Кацюбы¹

Известный русский поэт Елена Кацюба — автор поэтических книг «Свалка» (1995), «Красивые всегда правы» (1999), «ЭР — эЛЬ. Стихи и стихийные мутации» (2002), «Игр рай» (2003) и «Свидетельство луны» (2008). Ее стихотворения опубликованы во многих литературных изданиях и антологиях, включая переводные: «La nouvelle poe'sie russe», «Diapazon», «Музы: Москва—Пекин», «A Night in the Nabokov hotel» и др. Ее две книги — «Первый палиндромический словарь современного русского языка» (1999) и «Новый палиндромический словарь» (2002), также представляют собой поэтические сборники, несмотря на то что фразы представлены там в алфавитном порядке, на что указывал С. Бирюков: «Всюду будет осознаться стиховая природа этого текста, появившегося из самого языка». Кацюба также широко использует альтернативные возможности публикации, как то: записи авторского чтения в аудиокнигу («Азбука», 2007), интернет-публикации, включая анимации² и видеопредставления ее стихотворений³.

¹ Вводные замечания к главе «Основные комбинаторные формы как средства выражения универсальных творческих идей в стихотворениях Елены Кацюбы» из диссертации Татьяны Бонч-Осмоловской «Современная русская поэзия эксперимента в контексте европейской литературы техне» (UNSW, 2010).

² <http://flashpoetry.narod.ru/svalka/00.htm>

³ <http://video.mail.ru/mail/libel46/727?page=11>

Елена Кацюба — активный участник литературных мероприятий как в России, так и за рубежом: она читает свои стихотворения на многочисленных литературных фестивалях, включая Sorbonne Russian poetic reading (2002), Leipzig book fair (2004), Seminarium hortus humanitati in Riga (2008), Russian poetry days in Vienna (2009) и других. Ее работы были награждены на фестивалях «Другие» (2006), Волошинский фестиваль (2007), «Славянские традиции» (2012), отмечены журналами «Дети Ра» (2007) и «Окно» (Window, 2008, 2009). Кацюба также развивает экспериментальное литературное движение, будучи ответственным секретарем поэтического издания «Журнал ПОэтов». Таким образом, Елена Кацюба вовлечена во многие аспекты поэтической активности как поэт, а также как редактор.

В своих работах Кацюба часто использует формальные литературные ограничения. Она разрабатывает экспериментальные поэтические приемы, как то: буквенные комбинаторные методы, превращая их в методы изучения сути слов, предметов и явлений. Кацюба сама определяет свой метод как «лингвистический реализм», подчеркивая представление реальности через языковые единицы — слова. Для нее буквенное ограничение представляет собой способ освободиться от телесного ограничения, так как модификация порядка букв в слове трансформирует его таким образом, как это невозможно трансформировать обозначаемый словом телесный объект, — «освобождение от проблем, телесной скованности, реальных забот». Цель написания «Первого палиндромического словаря современного русского языка», как Кацюба сама это объясняет, было предоставить читателю основу для творчества, материал, с помощью которого «каждый читатель может сделать это самостоятельно, вылавливая элементарные пра-формы из первозданного хаоса». Кацюба понимает творческий процесс как воспроизводство процесса первичного Сотворения и постоянно задает в своих работах вопрос: «Если в начале было слово и всё создано из него, то каким образом?» Поэзия Кацюбы есть ответ на этот вопрос. Соединяя изначальное Сотворение с литературным творчеством, Кацюба поднимает вопрос о самой природе, перечисляя возможные творческие методы: в зеркале, «лесенкой», обратным чтением, в алфавитном порядке. В моем анализе я показываю, что Кацюба интересуется комбинаторными поэтическими методами, в которых новые значения возникают при преобразовании порядка букв, в процессе, аналогичном созданию новых существ преобразованием изначальных сущностей.

В этой главе я проанализирую некоторые из стихотворений Елены Кацюбы, в которых ее поэтические методы представлены наиболее отчетливо. В основном я остановлюсь на стихотворениях из сборника «Игр рай», в частности на поэме «Свалка». Уже в самом названии «Игр рай», автор призывает читателя к литературной игре: стыковка одинаковых согласных по границе двух слов делает прочтение неоднозначным, возможно, это не только распространенное существительное с дополнением (игр рай), но и обращенный к читателю призыв участвовать, разделить с автором его творчество: «Играй!»

Стихотворения в сборнике представлены в алфавитном порядке: «Азбука», «Алхимик», «Антология меда», «Augum», «Бабочка», «Близнецы», «Блюз», «В баре», «Вальс цветов», «Вересковый ветер» и так далее. Здесь Кацюба вторит традиции барочной поэзии, в которой были приняты сходные алфавитные методы организации структуры поэтических книг, как, например, в книге «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (1678). При этом Кацюба не создает стихотворений, озаглавленных буквами ь, ы, ъ, хотя они перечислены в отдельном стихотворении: «ъ, ы*, ъ // *Ы — знак умножения. См. текст «Азбука», состоящем из одного заглавия и отсылке к стихотворению «Азбука», первому стихотворению сборника. Здесь очевидна реминисценция традиции стихотворений без текста, среди которых «Поэма конца» Василиска Гнедова, созданная в 1913 году, видимо, наиболее известная в русской экспериментальной поэзии.

Алфавитная структура целой книги воспроизведена в первом стихотворении сборника, в котором слова перечислены в алфавитном порядке их первых букв:

- 1 — Алая и Белая розы — это А и Б любви,
- 2 — далее — Война Глаз, Дар Евы, Желание, Забвение,
- 3 — Искренности Йод, Кошка Ласки, Мед Неведения,
- 4 — Опиум Поцелуя, Разорение Сада, Тьма Упрека,
- 5 — Фарфор Хрупкости, Церемония Чайная, Шепот и Щека.
- 6 — Ы — знак умножения: розЫ — буквЫ.
- 7 — Значит, переход на ты
- 8 — не сделает тебя одиноким
- 9 — в розарии азбуки,
- 10 — где Эхо Ютится
- 11 — и в конце всегда Я.

Здесь алфавитное ограничение вместе с практически забытой силлабической рифмой становятся методом организации текста в комбинаторную структуру. В стихотворение включены слова, организованные в алфавитном порядке, причем этот порядок подчеркнут выделением первых букв слов заглавным начертанием: Алая, Белая, Война, Глаз, Дар и так далее для остальных букв. Таким образом, Кацюба открыто демонстрирует поэтический метод в соответствии с требованием русских футуристов «обнажения приема» (Шкловский, 1919). Строки стихотворения сгруппированы попарно: забвение — неведение, упрека — щека, буквы — ты, одиноком — азбуки, ютится — я. Эти пары не могут быть названы фонетическими рифмами, хотя в эпоху русской силлабической поэзии XVII—XVIII веков такие пары воспринимались как рифмы: не фонетические, но визуальные, силлабические. Позже они будут воспроизведены в опытах Хлебникова и Маяковского. Таким образом, в данном случае Кацюба обращается к опыту русской силлабической традиции, обновленному русским поэтическим авангардом, превращая этот метод в современное поэтическое средство. Алфавитное ограничение вместе с силлабической рифмой становится методом комбинаторной организации текста, отличающимся от стандартной поэтической структуризации. В отличие от алфавитных стихотворений Брюсова и Авалиани, Кацюба свободно пользуется этим приемом, ограничение становится скорее исходным толчком, предоставляющим возможность говорить с читателем на современные и вечные темы, чем строгим формальным ограничением, необходимым для соблюдения по всему стихотворению.

Кацюба рассматривает свое собрание стихотворений как целое: с названиями отдельных стихотворений, связанных вместе, так что одни стихи поясняют и отсылают к другим, а структура отдельного стихотворения отзывается в структуре всей книги. Такие черты свойственны гипертекстам. Современный термин «гипертекст» относился изначально к компьютерам и технологиям компьютерной коммуникации (Nelson, 1981). В отношении литературы гипертекст понимают как нелинейный текст, который может быть прочитан различными способами посредством системы внутренних связей, комментариев

и системы ссылок, называемых также гиперссылками (Друк, 2009). Читая отдельный фрагмент гипертекста, читатель может перейти по соответствующей ссылке, а затем вернуться к чтению первоначально-го текста. В сборнике «Игр рай» гипертекст проявляется алфавитным перечнем отдельных стихотворений, связанных с общей идеей сборника. Отдельные стихотворения снабжены комментариями, расширяющими их смысл. Например, в открывающем стихотворении «Игра вечера» автор дополняет его шестью палиндромными комментариями, предоставляющими ключевые слова стихотворения: рама, дверь, зеркало, картина, туз и ветер. Это стихотворение было изначально опубликовано без комментариев¹, которые были добавлены позднее, чтобы углубить понимание стихотворных идей. Так сложность стихотворения возрастает со временем, а существующее стихотворение развивается от статического к динамическому. В комментариях к отдельным словам стихотворения автор предоставляет читателю интерпретации этих слов и целого стихотворения, соотносящиеся с названием книги: игра вечера — игр рай. В этом стихотворении демонстрируются некоторые основные буквенные приемы, которые будут широко использованы далее во всей книге. В добавление к палиндромным комментариям тут можно увидеть короткую анаграмму: грот сов — восторг, палиндром: и игр оргии, и метод замещения отдельных букв: мистика — мостика. В этом смысле открывающее стихотворение предвещает весь сборник в целом.

Соответствие целого частям стихотворения с превосходством целого характерно и для других стихов Кацюбы. В ее интервью журналу «Дети Ра» (2009) Кацюба подчеркивает, что она не претендует быть открывателем определенного палиндрома, в смысле создания новых поэтических смыслов. Кацюба утверждает, что палиндромные фразы уже существуют в языке, а авторским произведением она полагает цельное стихотворение, состоящее из нескольких палиндромных фраз, соединенных вместе в определенном контексте: «Палиндромный стих — это нечто единое целое. Скажем, как рояль.

¹ <http://metapoetry.narod.ru/doos/doos001.htm>

Отдельно можно использовать дощечки — качественное дерево, ножки тоже можно приспособить в хозяйстве, да и струны в быту пригодятся. Но рояля-то не будет. С палиндромом тот же случай». Таким образом, Кацюба утверждает, что поэтический аспект палиндромного стихотворения создается комбинацией и объединением отдельных фраз, а не самими этими палиндромными фразами. Следовательно, палиндромы Кацюбы должны рассматриваться как единый текст, в котором образы создаются как комбинации отдельных строк. Также, в понимании Кацюбы, палиндром есть частный случай анаграммы, который позволяет ей «расширять возможности словотворчества» и применять модификации палиндромных методов в ее творчестве.

В большинстве стихотворений Кацюба использует комбинацию основных буквенных ограничений, как то: анаграмма или палиндром, скорее, чем только одно ограничение. Например, стихотворение «Морские пчелы» напечатано с использованием на странице графических элементов. Некоторые буквенные методы используются в этом стихотворении: нестрогие анаграммы (ума — аум, пчела — плеча — плаче — печаль), логогриф как цепочка слов с убывающим числом букв в каждом слове: «Вчера / ПЧЕЛА / с чужого / ЧЕЛА / ЕЛА / ЛАкомый мед ума / Ам!». В последовательности «пчела — чела — ела — ла — а» Кацюба разбавляет прием интерпретационными ремарками, подчеркивая заглавные буквы, составляющие логогриф: «ла» в слове «лакомый» и «а» в слове «ам». С другой стороны, ограничение усложнено сочетанием с анаграммой «пчела — плеча — плаче — печаль» и акростихом, поскольку все первые буквы строк стихотворения образуют то же слово «пчела». Начальные буквы строк подчеркнуты начертанием жирным шрифтом, так что читатель легко обнаружит здесь акростих, также в соответствии с указанием «обнажения приема» (Шкловский).

Поэтическая цель Кацюбы — представить мир в его разнообразии, сходна с поэтической целью средневековых поэтов, провозглашающих величие мира в его многообразных проявлениях. Для достижения этой цели Кацюба использует необычные поэтические техники, которые она полагает более эффективными, чем

традиционные поэтические средства. В следующем стихотворении выражена эта концепция поэтики:

Марш

Истинный музыкант пренебрегает инструментами,
предназначенными для извлечения музыки из звука.

<...>

Он бьет камнями по гусеницам танков,
фотонами по сетчатке глаза,
улавливает подземные толчки
сквозь кимберлитовые зрачки
алмазной Родезии.

Он изобретает знаки для записи солнечного удара
на нотно-прокатном стане,
удара птицы о стекло,
мотылька о лампу,
боксерской перчатки о челюсть.

Здесь автор декларирует свое предпочтение естественному процессу как аналогии поэтических методов для наиболее яркого выражения широкого спектра явлений. Эти предпочтения соотносятся с футуристическими прокламациями идей новых поэтических методов (Маяковский, «Приказ № 2 по армии искусств»), хотя, в отличие от Маяковского, Кацюбу не интересуют прикладные, социальные аспекта поэзии.

В центре моего исследования будет поэма «Свалка», опубликованная с 1985 года неоднократно с различными вариациями и в различных печатных носителях: в журнале¹, на интернет-сайте в форме текста² и в форме анимационной презентации³. Опубликованные версии отличаются количеством стихотворений и содержанием отдельных

¹ <http://metapoetry.narod.ru/poetry/poet02.htm>

² <http://www.rvb.ru/np/publication/01text/40/02katsyuba.htm>

³ <http://flashpoetry.narod.ru/svalka/00.htm>

стихотворений, при этом невозможно определить, какой из вариантов является окончательным. Напротив, различные версии соотносятся друг с другом как гипертекст, состоящий из изменяющихся текстов. Кацюба следующим образом определяет концепцию «Свалки»: «Существует / во множестве вариантов, / каждый из которых является истинным». В этом смысле это собрание стихотворений можно соотносить с аналогичным свойством романа «Улисс» Джеймса Джойса, который также публиковался в различных изданиях с вариациями. В противоположность концепции завершенного поэтического сборника Кацюба здесь продолжает экспериментировать с текстом, следуя по пути Джойса.

Концепция «Свалки» может быть понята на различных уровнях: как реалистическое описание выброшенных объектов, как метафора превратившегося в свалку мира или как перечень давно известных, многократно использованных и стертых слов. Современность концепции «Свалки» подчеркивается К. Кедровым по ассоциации с современным компьютерным письмом. Тем не менее словарь и грамматика стихотворений традиционны, как и используемые комбинаторные техники, а именно — основные буквенные перестановки. По этим признакам написание поэмы может быть отнесено к широкому временному промежутку существования русской поэзии. В действительности постмодернистская концепция открытого и известного мира, уже использованного и отброшенного на «свалку» — вот то, что отличает эту поэму от поэмы прошлого. В этом сборнике, в противоположность барочным сборникам, представляющим мир в виде сада, полного разнообразных красот и чудес, мир представлен как постмодернистское собрание всякой ненужной и непонятной всячины. В мире Полоцкого поэт повторяет действие Адама, называя предметы и описывая явления в прекрасном саду, созданном по замыслу Создателя. В противоположность тому в поэме Кацюбы в этой гряде объектов автор находит или создает красоту из хаоса беспорядочных слов — свалки, перетасовывая уже многократно использованные, стертые слова. Других в этом мире просто не существует.

Характерными чертами подборки стихотворений «Свалка» являются бесконечность в пространстве и времени, стохастичность

и противоречивость. Как реальная свалка постоянно пополняется использованными и выброшенными объектами, так же и поэтическая коллекция «Свалки» понимается, как бесконечная и бесконечно обновляемая: «Не имеет / начала, конца, четких границ во времени и пространстве, / а также / одного постоянного состояния». Стохастический характер этого явления становится заметен при произвольной комбинации уникальных отдельных объектов, представленных на «свалке», показанный по аллюзии с известной максимой Л. Толстого о несчастливых семьях: «Любой стандартный предмет на свалке приобретает индивидуальность. / Все новые башмаки новы одинаково — / каждый рваный башмак рван по-своему!» Таким образом, даже объект массового производства становится уникальным после его частного использования. Здесь автор находит положительные стороны в разрушающей трансформации использованных объектов, возвращающих им индивидуальность, в противоположность созданию массового производства. В отношении слов это утверждение означает, что слово, произнесенное множеством людей, не стирается при таком употреблении, как это понимали поэты лианозовской группы (Кулаков, 2007), но напротив, приобретает индивидуальность. Кацюба утверждает абсолютную различимость слов, которая становится заметна при внимательном рассмотрении.

С другой стороны, включая в свою картину мира социальный аспект, Кацюба провозглашает: «На свалке заменимых нет!» — отсылая к известному высказыванию Сталина о функциональности и заменяемости людей. В противоположность строящемуся сталинскому социалистическому обществу на «свалке» Кацюбы каждый объект уникален и не может быть заменен никаким другим. Противоречивость системы «свалки» проявляются уже в утверждении принадлежности, взятом в эпиграф сборника: «Запрещенная / (на каждой свалке есть табличка: „Свалка запрещена!“)». Это утверждение помещено «на входе» на «свалку» как в буквальном, так и в реальном мире: открывая сборник стихотворений и как запрещающее правило на въезде в ворота свалки. Этим утверждением существование свалки как системы запрещено по ее собственным законам, приводя к внутреннему противоречию.

Поэзия Кацюбы близка к центонной поэзии, в которой стихотворения создаются комбинацией цитат из известных литературных произведений. Это свойство уже продемонстрировано приведенными аллюзиями на Толстого и Сталина. Кацюба использует не точные цитаты, но изменяет оригинальные фразы подобно тому, как энтропия изменяет объект. Среди других известных фраз можно привести: «Какая свалка без матраса — какая свадьба без матроса», «Путь к сердцу мужчины лежит через смерть коровы», «На свалке в здоровом ТЕЛЕ / ЕЛЕ здоровый дух». Эти изменения, также как и соответствия элементов текста, связываемых автором вместе в псевдоцентонном стиле, становятся у Кацюбы методом производства новых значений из давно известных фраз, предоставляющих концепты и сочетаясь с другими значениями.

В моем анализе я представляю стихотворения Кацюбы, следуя их формальным структурам: анаграмматическим трансформациям, палиндромическим трансформациям и другим комбинаторным приемам, демонстрируя, как автор достигает своей поэтической цели: найти новый язык поэтического описания, пригодный для современного мира.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Содержание

Чистейший озон поэзии. <i>Константин Кедров-Челищев</i> . . .	3
Полное восхищение словом. <i>Светлана Литвак</i>	4
Богом данный статус. <i>Евгений В. Харитонов</i>	6
Редчайший дар естественного слова. <i>Сергей Бирюков</i>	8
Глас первый. Небо — это высота Взгляда	11
Пламя Паламы	13
Игр рай	14
Blue Blues	15
Десант	17
SOR-корабль	18
Лад ладони	18
Линия	19
Нить Ариадны	20
Майский жук	20
Часы	22
Глас второй. Взгляд — это глубина Неба	23
Генрих Сапгир о поэзии Елены Кацюбы	25
Азбука	26
Зеркало Евы	27
Ночной проход	28
Глас третий. Ладонь — это лодочка для Невесты	29
Лингвистический реализм, или Множество мгновений по имени «Я»	31
Свалка	38

Видеосалон «СВАЛКА»	43
Анкета манекена	44
Глас четвертый. Невеста — это лодочка для Ладони	45
Ад ос. Ода	47
аЗияние	48
Возвращение	49
Если	50
Заговор рек	51
Играю ноктюрн	52
Лев	52
Меч сна	53
Нить Ариадны	54
Происшествие	54
Путь	55
Рифма	55
С-л-ЕЗАМ откройся	56
Свеча	56
Глас пятый. Прикосновение — это граница Поцелуя	57
Сальери и Моцарт	59
Глас шестый. Поцелуй — это безграничность Прикосновения	65
Звезда	67
Агада	67
Глас седьмой. Расстояние между Людьюми заполняют Звезды	71
Константин Кедров-Челищев. Елена — Вечность	73
Глас осьмый. Расстояние между Звездами заполняют Люди	123
Константин Кедров-Челищев. Словотворный памятник Елене Кацюбе	125
Вместо послесловия. <i>Татьяна Бонч-Осмоловская</i>	141

16+

Литературно-художественное издание

ВОСЬМИГЛАСИЕ МИРОЗДАНИЯ

В двух томах

Том 2

Кацюба Елена

Ответственный редактор Т. Войлокова

Корректурa: И. Парижская

Компьютерная верстка: А. Шатунов

Дизайн обложки: С. Кошевой

Подписано в печать 08.07.2020

Формат 60х90/16

Бумага офсетная

ООО «Издательство РСП»

127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1

Тел.: +7 (495) 215-14-25

www.izdat.ru

ISBN 978-5-4477-3045-1

9 785447 730451

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И
НАУКИ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ